

18+

ПЕТР ИВАНОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

Дорога к Богу

Пётр Иванович Васильев

Дорога к Богу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69978760

ISBN 9785006084391

Аннотация

Вдруг из-за бугра водораздела, через снежную пелену, пробился яркий свет. «Бог ты мой, да откуда здесь машина-то взялась, – подумал я, – ведь здесь кругом тайга и дорог нет на десятки километров вкруговую». А свет становился всё ярче, и через снежную пелену он казался ярко-голубым. Сначала я подумал, что это летит припозднившийся вертолёт, такое с ними частенько случалось...

Содержание

Глава 1. Товарищи читатели, цензура заставила меня часть текста удалить, а часть изменить, поэтому в таких местах могут возникнуть разрывы в тексте, и поэтому я заранее извиняюсь перед вами	5
Глава 2	49
Глава 3	71
Глава 4	114
Глава 5	129
Глава 6	137
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Дорога к Богу

Пётр Иванович Васильев

© Пётр Иванович Васильев, 2023

ISBN 978-5-0060-8439-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Товарищи читатели, цензура заставила меня часть текста удалить, а часть изменить, поэтому в таких местах могут возникнуть разрывы в тексте, и поэтому я заранее извиняюсь перед вами

Эту книгу я написал со слов моего случайного попутчика, с которым меня свела судьба в тайге на севере Иркутской области. Но об этом я хочу рассказать чуть поподробнее. А произошло это в середине декабря 2007 года. Я тогда работал на лесозаготовках вахтовым методом на севере Иркутской области в-Усть-Илимском районе. И вот однажды по производственной необходимости мне пришлось выехать ночью на автомобиле «Нива» по лесовозной дороге в посёлок Эдучанку, который находился около 80 километров от вахты. Но перед выездом всю неделю стоял сильный мороз, и перед тем как выехать с вахты, я посмотрел на градусник, на нём было минус 47 градусов. Вот тут-то я засомневался, а стоит ли ехать в такой мороз в посёлок, да ещё и ночью, или отставить поездку до утра. Для северян мину-

совая температура в 47 градусов считается рядовой, но ехать по тайге ночью одному было опасно, потому что машина в такой мороз может заглохнуть. Вот поэтому в сильный мороз машины на севере ходят парами.

– Но посмотрев прогноз погоды на неделю вперед, и увидев, что всю следующую неделю обещают такой же мороз, я всё-таки решил ехать в ночь, так как утром мороз перевалит уже за 50 градусов, а откладывать поездку нельзя было даже на день, не то, что на неделю. И я решил рискнуть, авось обойдётся. Правда, ехать одному по таёжной дороге было опасно, но и взять с собой некого было. И не дай Бог, что-нибудь случится в дороге с машиной, и помочь-то некому будет, а такой авось иногда боком выходит. Но раздумывать было некогда, потому что пошёл уже 10-й час ночи, и я, махнув на всё рукой, поехал в посёлок один. И отъехав от вахты уже около 15 километров, я остановился на краю глубокого распадка, который пересекал дорогу с севера на юг и по дну которого стелился густой белый туман.

Но прикинув на глаз ширину распадка, сверху его хорошо было видно, потому что на фоне тёмного распадка туман стелился по дну распадка белой извивающейся рекой. И постояв с минуту на краю распадка, не решаясь ехать через густой туман, я, в конце концов махнул на всё рукой и решил пройти через распадок на большой скорости. Потому что если машина в распадке заглохнет, а такое с ними случалось и не раз, то в этом случае я буду хорошей мишенью для лесовозов,

которые в любой момент могут появиться на краю распадка. Видимо, в глубоком распадке в густом холодном тумане двигателю не хватает кислорода, так как туман на морозе кристаллизуется и становится густым. То есть на сильном морозе, а ночью в глубоком распадке ещё холоднее, чем днём. Поэтому густой туман на морозе кристаллизуется и воздух плохо проходит через воздушный фильтр, потому что воздушный фильтр забивается изморозью и двигатель в этот момент начинает работать с перебоями, а иногда может и заглохнуть в распадке.

Вот тогда-то я точно окажусь хорошей мишенью для лесовозов, которую они сшибут на скорости и даже не заметят, что на их пути стояла «Нива». Потому что глубокие распадки с затяжными подъёмами они тоже проходят на большой скорости. И пройдя распадок на большой скорости почти вслепую, так как света двух противотуманных фар не хватило для того, чтобы он пробил густой туман на расстояние десяти метров.

И, поднимаясь из распадка по затяжному подъёму в гору, я на большой скорости выскочил из тумана, так как он неожиданно резко оборвался, и я чуть не сбил идущего в том же направлении человека. Я не ожидал в такой лютый мороз, да ещё и ночью, встретить на лесовозной дороге, идущего по дороге человека. И от неожиданности я даже растерялся, но длилась эта растерянность долю секунды и, быстро среагировав, я резко затормозил машину, которую на на-

катанной дороге занесло влево и, только поэтому я чудом не сбил идущего по дороге человека. Сначала я подумал, что это кто-то из наших поселковых охотников решил выехать домой для того, чтобы помыться в бане и отдохнуть, пока стоят морозы. Но наши охотники обычно выходят на дорогу с ружьями, потому что в это время года у волков начинается гон.

И то ли волчий гон подгадывает под лютые морозы, то ли морозы в это время подгадывают под гон, но то, что волчий гон всегда проходит в самые лютые морозы, – это факт. И не дай Бог попасться им на лесовозной дороге без ружья, хотя и ружьё в таких случаях не всегда поможет, особенно тогда, когда на тебя неожиданно из-за поворота дороги выскочит стая волков. Но этот человек шёл почему-то без ружья. Он остановился и, даже не взглянув в мою сторону, отошёл на обочину дороги. И, пропуская меня вперёд, он даже не махнул мне рукой для того, чтобы я остановился. И я понял, что он сильно замёрз, и у него не было сил взмахнуть окоченевшей рукой. Я остановился рядом с ним и, открыв пассажирскую дверь, пригласил его в машину. Он сел на переднее сиденье и, сняв шапку, отряхнул её о колесо от снега.

– Алексей, – сказал он, протянув мне окоченевшую руку. – Извини, я не услышал шума твоей машины, потому что уши у шапки были опущены.

– Да и жёлтого света противотуманных фар я тоже не заметил, потому что на небе светит полная Луна, которая све-

тит таким же жёлтым светом, каким светят фары твоей «Нивы», – сказал Алексей. Да и выскочил ты из тумана так неожиданно, как чёрт из табакерки, я только что перед этим поворачивал голову назад, но света фар из тумана не видно было.

– А это потому, что он сильно густой и белый как молоко, я сам не ожидал, что он так резко оборвётся перед тобой, – сказал я.

Немного отогревшись, Алексей рассказал, что он охотник-любитель и раньше, то есть ещё в конце 80-х годов, он охотился на речках Шаманках – это в этом же районе, но только за водохранилищем напротив посёлка Ершово. Но после одного случая, о котором он почему-то не захотел мне рассказывать, он лет пять вообще не охотился. Но последние три года он снова начал охотиться вдоль лесовозной дороги. А его охотничьи угодья начинаются километра три от дороги и тянутся до малого Митушинского болота. А вышел он на лесовозную дорогу ночью только потому, что хотел срочно выехать на попутной машине в г. Братск. А в Братске он живет уже более трёх десятков лет, но охотиться ему приходится в-Усть-Илимском районе, потому что здесь тайга гораздо дремучей, поэтому и соболем богаче, да и зверя в такой тайге пока ещё много. А сегодня ему по семейным обстоятельствам нужно было срочно выехать в Братск, об этом ему по рации сообщил его друг.

– Он хотел приехать за мной сам, на своей машине, но она

стояла у него на улице, и он не смог завести её в такой мороз, – сказал Алексей.

Я спросил Алексея:

– А почему ты вышел на дорогу без ружья?

– Это очень опасно, волков в этом году почему-то много развелось, местные охотники уже много собак из-за них недосчитались, – сказал я.

– А это потому, что в Эвенкии пожары всё лето были, вот они и откочевали сюда за лосем, – сказал Алексей.

– А без ружья я вышел, потому что не хотел в Братске привлекать к себе внимание милиции, расхаживая ночью по городу с ружьём без чехла. Так как чехол от ружья остался на втором зимовье, а до него идти далековато по такому морозу.

– Вот только с милицией мне не хватало проблем, – сказал Алексей. Но, прождав лесовоз на дороге в течение двух часов, я решил идти по дороге пешком, для того чтобы хоть немного согреться, так как ноги, хоть и в унтах, но уже начали мёрзнуть. А если лесовоз догонит, то всё равно подберёт, не бросит же он меня в такой мороз на дороге. Однако лесовозов в этот день, как назло, не было, видимо, из-за сильного мороза на делянах не было погрузки леса. Но пройдя по лесовозной дороге километров 15 и не дождавшись попутного лесовоза, я решил не испытывать судьбу и повернуть назад. А повернув назад, вернуться на зимовье, которое находилось от дороги в трёх километрах, так как мороз к ночи стал креп-

чать и перевалил уже за 50 градусов. Поэтому в такой мороз можно было и обморозиться. Да и идти по лесовозной дороге без ружья было опасно, можно наскочить на стаю волков, которые по ночам выходят на накатанную лесовозную дорогу и гуляют по ней как у себя дома. Но и возвращаться назад не хотелось, потому что прошёл уже 15 километров, а по такому морозу, да ещё в гору, – это приличное расстояние. Да и нужно было по личным делам срочно попасть в Братск, пока стоят морозы.

– Вот поэтому я решил пройти ещё несколько километров по дороге в надежде на то, что попутные лесовозы всё-таки пойдут по дороге, – сказал Алексей.

Алексей был рад, что я подобрал его на дороге. Он уже не надеялся в ближайшие дни уехать в Братск, так как морозы могли затянуться ещё на неделю.

Мы проехали уже около 20 километров, но ни встречной, ни попутной машины нам так и не попалось, зато попалась небольшая стая волков, бежавшая нам навстречу. Но завидев свет фар и саму машину, волки не спеша свернули с дороги. И с большим трудом забравшись на высокий полутораметровый снежный бордюр, прилегли на нём и стали терпеливо ждать, пока мы проедем мимо. Лезть в глубокий снег они не захотели, так как снега в таких местах обычно бывает больше метра. Я остановился и, приоткрыв дверцу машины, посчитал волков. Их было около 15 штук. Но, что показалось мне странным, увидев меня, волки даже не огрызнулись, ви-

димом, тоже замёрзли на таком лютом морозе. Лесные эвенкийские волки высокие на ногах и достигают в весе до 80 килограммов. Поэтому они любят по ночам бегать по накатанным лесовозным дорогам вместо того, чтобы ходить тропой по рыхлому снегу, особенно тогда, когда у них гон, а снег в это время был ещё рыхлый, но уже достаточно глубокий, и под их весом он сильно проваливался.

– Да, – сказал Алексей, поглядев через моё плечо на волков, – против таких монстров и ружьё не поможет, хорошо, если успеешь пару раз в них выстрелить. Таких крупных волков я вижу здесь впервые, а вот степных волков я часто видел в Восточном Казахстане, потому что жил там в детстве.

– Но степные волки в три раза меньше лесных волков, – добавил Алексей.

– А это потому, что в Казахстане они питаются баранами, а этим волкам приходится питаться лосятиной, а лось во много раз больше барана и с ним ещё нужно суметь справиться, – сказал я.

– Вот поэтому они здесь такие большие, а для того, чтобы завалить лося или оленя они собираются в большие стаи.

– Мне приходилось сталкиваться с ними на болотах, – добавил я.

И вдруг Алексей перекрестился, а затем пожал мою руку.

– Спасибо тебе за то, что ты подобрал меня на дороге, – сказал он.

– Да за что спасибо, – удивился я. – Ты за кого меня при-

нимаешь.

– Неужели ты думаешь, что я бросил бы тебя в такой мороз на дороге? – сказал возмущённо я.

– Да нет, я думаю, что умышленно ты бы меня не бросил, но ты мог подумать, что меня подберёт попутный лесовоз, и проехать мимо.

– Тем более из-за меня ты чуть не врезался в снежный бордюр, когда тебя занесло на дороге, ты же не знал, что лесовозы сегодня не ходят, – сказал смущённо Алексей. – Да если бы не ты, то они меня через полчаса съели бы, ведь они бежали как раз навстречу мне и вряд ли пропустили меня дальше по дороге живым.

Но если бы мы могли предвидеть то, что произойдёт с нами дальше, то я, даже не раздумывая, повернул «Ниву» назад. И проехав ещё километров десять, машина пошла на затяжной подъём, и в этот момент как по закону подлости двигатель заработал с перебоями. Я остановился, чтобы дать ему про-работаться. Такое иногда помогало, если хорошо прогазуешь его. Но тоже ненадолго. Но он, собака, заглох и больше не захотел заводиться.

– Приехали, – сказал Алексей, – и, видимо, застрянем здесь надолго, если не навсегда.

Мы поняли, что морозом прихватило топливную систему, что на таком морозе случается довольно часто. А развести на дороге костёр было не из чего, так как до ближайших деревьев было не менее 50 метров. И по закону подлости мы

остановились как раз в таком месте, где с обеих сторон дороги были старые вырубба, а снегу на них намело больше метра, а с надувами за снежными бордюрами ещё больше. Поэтому искать под таким глубоким снегом дрова, да ещё сухие, было пустым занятием.

– Вот закон подлости, – сказал Алексей, – расскажи кому, не поверят, – это надо же, замёрзнуть в тайге без дров!

А мороз поджимал уже под 50 градусов. Я прикинул расстояние, которое мы отъехали от вахты, и у меня вышло, что до посёлка Эдучанки мы не доехали всего каких-то 40 километров. Но по таёжным меркам – это не расстояние, и пройти по накатанной лесовозной дороге пешком нам не составляло большого труда. И мы, постояв на дороге и подумав, решили пройти эти 40 километров пешком.

– Не замерзать же на дороге, здесь даже костёр нечем развести, – сказал Алексей.

Но в последний момент нас остановило то, что на дороге нам снова могли попасться волки, те, которых мы видели уже на дороге.

– Для такого крупного волка по накатанной дороге семь вёрст не крюк, – сказал Алексей, – они могут повернуть назад, им-то какая разница, в какую сторону бежать, и могут догнать нас уже через полчаса.

– Вот тут-то они нас не пожалеют, во время гона волк сильно злой, порвут и даже фамилии не спросят, – и Алексей невесело рассмеялся своей шутке.

И постояв ещё минут десять на дороге и взвесив все за и против, мы решили не испытывать судьбу, а остаться в машине и ждать попутного лесовоза. И если начнётся погрузка леса, то лесовозы пойдут даже в такой мороз. Машина на таком лютom морозе начала быстро замерзать, и я, проверив топливные фильтра, которые на удивление оказались чистыми, т.е. безо льда, начал проверять всё остальное. А проверять нужно было всё, от чего машина могла заглохнуть. Даже свечи и катушку зажигания пришлось проверить, и так как у меня была ещё и запасная катушка, то я проверил и её, хотя руки на морозе уже окоченели. Но двигатель всё равно не заводился даже после того, как я бензонасосом закачал в карбюратор бензин из бутылки, которую я специально возил для таких случаев, и, посадив окончательно аккумулятор, я махнул на него рукой.

– Я думаю, что перехватило где-то в топливной трубке под днищем машины, – сказал Алексей, потирая замёрзшие на морозе руки, – а там без паяльной лампы ничего не сделаешь. Это уже проверено, у меня у самого «Нива» в Братске в гараже стоит.

И лампа по закону подлости кому-то вдруг срочно понадобилась ещё там, на вахте, как раз перед моей поездкой, а я закрутился и забыл её забрать.

А в багажнике машины я нашёл только примус и две двухлитровые пластмассовые бутылки с бензином, прихваченные кем-то из ребят из дома и, на наше счастье, забытые

в машине.

– Ну, хоть что-то стоящее нашёл, – сказал Алексей, покрутив в руках старенький примус «Шмель».

Даже топора в багажнике не было, видимо, тоже кому-то срочно понадобился, а я торопился и забыл посмотреть. А если честно, то просто понадеялся на-авось. Мы сели в машину и разожгли примус, благо, что хоть спички в бардачке нашлись. И стали отогревать окоченевшие на морозе руки, которые до того замёрзли, что пальцы уже плохо слушались и даже не сгибались в суставах, когда я брал в них спички.

Я опустил боковое стекло со своей стороны, для того чтобы не угореть от примуса, который хоть немного согревал воздух в салоне машины, не дав нам окончательно окоченеть. А боковые стекла от тепла примуса сразу же начали отпотевать и обмерзать. Хорошо ещё, что мы оба были в унтах и меховых куртках, а иначе бы окоченели ещё раньше. Но у примуса был ещё один недостаток, он дымил угарным газом и сжигал кислород в салоне машины. А опускать второе боковое стекло нельзя было из-за сквозняка, который тушил примус.

Вот в этот-то момент Алексей и сказал, что терять ему уже нечего, потому что неизвестно, доживём мы до утра или в лучшем случае замёрзнем. Потому что примус может в любой момент сломаться, и тогда мы уже точно замёрзнем через пару часов. Алексей немного помолчал, видимо думая о том, стоит ли мне это рассказывать, или лучше промолчать.

Но протянув руки к огню примуса, погрев их над огнём и посмотрев при этом через лобовое стекло на волков, лежавших на дороге перед машиной, которые незаметно подошли к машине и улеглись на дорогу, он махнул рукой и начал рассказывать мне свою историю, в которую я тогда не поверил. Но я тогда промолчал, чтобы не обидеть Алексея, да ещё в такой ситуации, когда не знаешь, то ли ты в машине замёрзнешь, то ли тебя волки на дороге съедят. Поэтому мне было без разницы, что он там рассказывал, лишь бы он что-то рассказывал, а я слушал только для того, чтобы не уснуть хотя бы одному из нас и не замёрзнуть живьём на таком жутком морозе. Но слушал я эту историю очень внимательно, потому что она была не совсем обычной историей, вот поэтому я хорошо её запомнил и даже записал её потом почти дословно.

А слушал я его с интересом не только для того, чтобы отвлечься от навязчивых мыслей, в которых преобладала только одна мысль, доживём мы до утра или замёрзнем в машине. А будет ещё хуже, если до нас доберутся волки, разбив лобовое стекло. И вытащив нас как зайцев из машины, они тут же разделяются с нами в считанные минуты. Но когда Алексей закончил свой рассказ, я посмотрел на часы, они показывали два часа ночи. А мороз перевалил уже за 50 градусов. Мы почувствовали это, потому что в салоне стало ещё холоднее и даже лобовое стекло стало затягивать изморозью. Я подкачал в примус воздуха, и он загорелся ещё веселее, но от тако-

го жаркого огня окна машины стали запотевать и ещё больше затягиваться изморозью.

– Да, ситуация, – сказал Алексей, – если в ближайшие два часа лесовоз на дороге не появится, то через три часа он нам уже не нужен будет.

От примуса шёл угарный газ, и мы, нанюхавшись газа, стали засыпать. И вдруг сквозь сон я услышал, как машина качнулась из стороны в сторону, как будто на капот машины кто-то залез и стал раскачивать её из стороны в сторону. Я открыл глаза и обомлел. На капоте «Нивы» передними ногами стоял волк и смотрел мне прямо в глаза. Голова у него была огромная, а глаза почему-то были голубыми и ярко светились, я никогда не видел таких глаз, даже у собак, потому что у собак они светились жёлтым светом, и мне вдруг стало страшно. Ростом он был со среднего телёнка, и я спросонья не сразу понял, что это волк. Сначала я подумал, что это лось. Я толкнул Алексея локтем в бок, он спросонья тоже не мог понять, что я от него хочу, и кто стоит ногами на капоте, а когда он понял, что это волк, то со страха замахал на него руками и закричал:

– Нет, – это не волк, я таких больших волков никогда в жизни не видел.

– Это оборотень, – уже тише сказал Алексей и перекрестился.

А волк незлобно огрызнулся на него, но с капота слез. Я посчитал волков, их было около 30 штук, видимо, ещё

с десятков подтянулись к машине за то время, пока мы спали. Но самцов было больше чем самок, поэтому они и грызлись между собой из-за самок, не обращая на нас внимания и не пытаясь разбить лобовое стекло.

Я впервые в жизни увидел такую большую стаю волков, хотя раньше мне тоже приходилось видеть волков в стае, но не более 18 штук и тоже во время гона, но уже не на лесовозной дороге, как сейчас, а на малом Митушинском болоте. Вот там-то машины у нас не было, и мы уже распрощались с жизнью. Мы тогда тоже были вдвоём, и хорошо, что это произошло днём, да и волки почему-то не рискнули сразу на нас напасть. Но шли они параллельно нам всего метрах в пяти от нас, потому что дальше пяти метров от тропы с обеих сторон тропы шла топкая трясина. И они упорно шли за нами по болотам не менее 20 километров, не решаясь, напасть на нас. Потому что они видели, что у нас в руках ружья, правда, больше чем по два раза мы бы всё равно не успели в них выстрелить. Поэтому мы уже смирились с судьбой и решили: чему быть, того не миновать.

Но волки упорно шли за нами по обеим сторонам тропы параллельно нам, а я ещё умудрился посчитать их, по сколько же их шло с каждой стороны тропы. И посчитал: с каждой стороны тропы их шло по девять штук. Но проходя местами по кочкарнику, мы боялись споткнуться о кочки, потому что стоило кому-то одному из нас споткнуться о кочки или, ещё хуже, споткнувшись, упасть на них, вот тогда вол-

ки мгновенно кинулись бы на нас. И тут-то нас ничто от них не спасло бы, даже ружья. Но через 20 километров волки вдруг остановились, дождались своего молодняка, который отстал от них метров на 20, а затем, даже не взглянув на нас, ускорили шаг и ушли от нас по тропе далеко вперёд. Сначала мы подумали, что волки нас бросили, и даже обрадовались, что всё закончилось без стрельбы и крови, но минут через 20 волки вдруг жутко завыли на тропе впереди нас.

– Вот и всё, – сказал я. Дальше они нас не пропустят, к тому же приближается вечер, а вечером волки становятся смелее и намного агрессивнее. Ощущение было очень неприятное, когда в пяти метрах от тебя идёт стая волков по 80 килограммов весом каждый, и кто не испытывал такого удовольствия на себе, тому этого не понять. Но делать было нечего, другой дороги через болота у нас не было, потому что тропа проходила по старой, заросшей мхом и кочкарником лежнёвке, которая выходила на Ангару в деревню Воробьёво. И с обеих сторон тропы шла топь на километры, поэтому волки шли параллельно нам. И мы, немного постояв на тропе, решили: чему быть, того не миновать, и пошли вперёд по тропе на встречу с волками.

Но волки, на наше счастье, почему-то пропустили нас, когда мы подошли к ним по тропе почти вплотную и приготовили ружья для стрельбы. И даже сделали то, о чём мы и подумать-то не могли. Вдруг они как по чьей-то команде все одновременно сошли с тропы, уступив нам дорогу, и минут

10 стояли в пяти метрах от тропы с обеих сторон тропы, провозжая нас в спину равнодушными взглядами.

Правда, молодой волк-первогодок, стоявший недалеко от тропы, решил схватить меня за штанину, когда я проходил мимо него по тропе, но мой товарищ в этот момент направил на него ствол своего ружья и готов был уже выстрелить в него. Но вожак стаи, видимо почуяв беду, зло рыкнул на него, и молодой волк, поджав хвост, отошёл от тропы. И, пропустив нас по тропе метров 50, волки как по чьей-то команде все одновременно жутко завыли, а затем вышли на тропу и не спеша, и даже не оглядываясь назад, ушли в болота.

А мы ещё долго стояли на тропе на ватных ногах и думали о том, что нам сильно повезло в том, что волки вежливо выпроводили нас из болот, а сами вернулись назад в свои владения в Митушинские болота. И я до сих пор не могу понять, как это волки выпустили нас тогда из болот живыми, видимо им хватало сохатых, которых там было очень много.

«Вот и здесь я снова попал в подобную ситуацию, но, правда, уже не в болотах, а на лесовозной дороге, и хорошо, что ещё на машине», – подумал тогда я.

– Вот и дождались непрошенных гостей, обложили они нас со всех сторон, – сказал Алексей, – теперь-то они от нас точно не уйдут, пока не возьмут нас измором. Многовато их на нас двоих-то собралось, даже по косточке не достанется каждому из них, – и он отвернулся к окну.

А волки, окружив машину со всех сторон, и не собирались уходить от неё, а половина стаи разлеглась прямо на дороге, с обеих сторон машины, взяв нас в кольцо.

– Только бы не догадались разбить лобовое стекло, тогда нам труба, – сказал Алексей. – Ты же видишь, какие они большие, и если догадаются, то вышибут стекло играючи. И наше счастье, что мы не пошли в деревню пешком, а то, как раз бы наскочили на них, ведь они со стороны Эдучанки пришли.

– А как ты думаешь, что лучше, замёрзнуть на таком морозе в машине, если сломается примус, или волки по дороге съедят? – спросил я.

– Не знаю, не пробовал ни того, ни другого, – сказал Алексей. – А вот разбудил ты меня зря, да и сам бы лучше спал. Уж лучше во сне угореть или замёрзнуть, чем заживо быть съеденными этими, – но он недоговорил, отвернулся к окну и надолго замолчал.

– В следующий раз не буди меня, – после долгого молчания сказал Алексей.

– Вот только жаль, что дела свои в Братске не доделаю, а кроме меня их уже никто не доделает, – добавил Алексей и снова надолго замолчал.

Его молчание угнетало меня, да и угарный газ потянул нас на сон, а нехватка сгорающего в огне примуса кислорода, сказывалась на нас отрицательно. Потому что от нехватки кислорода начала сильно кружиться голова и на сон по-

тянуло вдвойне. И я вдруг понял, что если мы сейчас заснём, то заснём уже навсегда, а если ещё, не дай бог, и «Шмель» во сне потухнет, то мы задохнёмся ещё раньше и быстрее. И я, чтобы не заснуть самому, решил расспросить Алексея о том, что же было с ним дальше, после 20 лет.

– Алексей, а ты ещё кому-нибудь, кроме меня, рассказывал эту историю со станцией? – спросил я.

– Да, через 20 лет, когда я вспомнил и корабль, и Джека, я рассказал эту историю своей жене, – сказал он.

Хотя сам-то я верил в это с трудом. Мне поначалу казалось, что мне всё это приснилось или у меня начались галлюцинации, а вот отчего они начались, я никак не мог понять.

Но меня убедило в том, что это всё правда, то, что я стал знать много того, чего я раньше не знал, да и не мог я этого знать, потому что на земле такого ещё нет, да уже и не будет никогда.

– Но и то, что я ей рассказал, уже во многом сбылось.

– Ну и как жена отреагировала на твою историю? – спросил я.

Я догадывался как, потому что я сам не верил в то, что он побывал на инопланетной космической станции, но промолчал, потому что я хотел услышать это от него самого.

– Но жена посмеялась надо мной и сказала, тебе самому пора уже лечиться. Я по профессии психиатр, а она деловая у меня была, но когда произошла эта история, она тогда в горкоме партии работала, а там все тогда деловые были.

А уже потом, после развала Советского Союза, она боялась из-за моей истории свою престижную работу потерять. Хотя, кроме неё, я никому не рассказывал эту историю со станцией. Да и ей-то я зря тогда рассказал, но я потом только понял, что зря я ей это рассказал. Это свою-то работу она престижной считала, а сейчас она бизнесом стала заниматься. Работу-то она себе нашла, после того как свою престижную потеряла. Как раз по своей натуре.

– Вот только совесть-то она свою окончательно потеряла, а возможно, что у неё её никогда и не было, – сказал Алексей.

– А почему была? – спросил я.

Да разошёлся я с ней после всей этой истории. Она стала смотреть на меня не как на психиатра, а как на его пациента. Да и поглядывать налево начала, ничуть не боясь и не стесняясь меня. Я думаю, что ты хорошо помнишь те времена. Мы ведь с тобой вроде как ровесники по возрасту. И откуда это шакалье только взялось, как черти из табакерки вылезали, а главное, откуда они только взялись в таком большом количестве и, причём все одновременно, ума не приложу. Всё святое в один день потеряли, а возможно, что у них его никогда и не было, ничего святого-то, или они всё это время притворялись. А возможно, что испытание на нас такое свалилось, чтобы поглядеть, кто есть, кто и кто кем стал за это время, а главное, сколько гадости в нас за это время скопилось.

– А почему в нашей стране тоже?

– Да потому что в вашей стране давно не было войны, вот поэтому у вас и скопилось много мутантов, которые начали деградировать раньше времени и из-за которых начнётся смута на всей планете, – ответил тогда Джек. А я тогда не понял, почему для этого обязательно должна быть война. А вот сейчас я понял, для того чтобы понять, кто есть кто, чтобы в дальнейшем избавиться от них. А ещё, потому что старые поколения, которые прошли всю войну потихоньку вымирают, а у молодых руки чешутся в войну поиграть.

– Да, Алексей возможно, он был прав, – сказал я.

– Но такие алчные люди были всегда, во все времена, просто они на время затаились и ждали, когда же наступит их час, – добавил я.

Да и прав оказался, после войны их действительно поменьше было, а за послевоенное время они сильно расплодились. Таким людям любая власть, абы жилось всласть.

– Такие люди приспособленцы Алексей, они были и будут всегда во все времена и даже в будущем, – сказал я. – Потому что за время войны погибло много хороших людей, от которых должны были пойти умные потомки.

– Но плохих людей в тылу в войну оставалось много, особенно у нас, вот они и расплодились в таком большом количестве, – сказал я.

– Да, возможно, что в этом ты прав, – сказал Алексей. – Мужиков-то в войну мало осталось в тылу, вот и получилось кровосмешение на генетическом уровне, а поэтому и мутан-

ты безмозглые пошли. На фронт во все времена забирали самых здоровых и умных людей, хотя должно было быть наоборот, это я тебе как врач говорю.

А этих мы раньше почему-то не замечали, да и не приглядывались к ним особо. Нам тогда казалось, что большая часть людей, – это в основном хорошие люди. А сейчас, к великому сожалению, я думаю, что большая часть таких людей к любой власти примажется. И не только певцы, но и шути во все времена любую власть развлекали, даже Гитлера в войну, за что и были у них в почёте, а власть по-барски прощала им их мелкие шалости.

– А может это мы, психиатры виноваты в том, что так произошло? – спросил Алексей.

– А вы-то тут при чём? – спросил я.

– Да выпустили их из психиатрических больниц на свободу раньше времени, а их нужно было держать в таких больницах вечно.

– А мою жену тем более нужно было держать в психиатрической больнице, вот она-то уж точно ждала свой час и дождалась его, гадина, – со злостью сказал Алексей. – Джек как-то говорил, что наступит такое время, когда люди будут как волки, ненавидеть друг друга. Правда, вот эти волки, – и Алексей показал рукой на лежащих вокруг машины волков, – меньше грызутся между собой, чем люди, хотя и гонят у них сейчас.

– Нет, Алексей, это не вы виноваты, ты сам сказал, что

мы находимся на нулевом уровне развития, вот потому-то и живём по волчьим законам, – сказал я.

– Вот поэтому из-за той истории и не сложилась моя семейная жизнь, а может, это и к лучшему, что детей у нас не было, – сказал Алексей. – И, как в народе говорят всё, что ни делается, всё делается к лучшему, а может это правда, – и он вопросительно посмотрел на меня.

– Не знаю, – сказал я, – может, это и так.

– Это она не захотела детей заводить, всё карьеру себе делала.

Алексей отвернулся к окну, и мы снова надолго замолчали.

Все боковые стёкла, кроме лобового стекла, так сильно обмёрзли, что через них ничего не было видно. Но через оттаявшее от примуса лобовое стекло я вдруг увидел, как волки заметались по дороге, а затем полезли на снежный бордюр на обе стороны дороги, но от дороги они не ушли, а так и остались сидеть на снежном бордюре.

– Странно, что это с ними случилось? – спросил Алексей и, прислушиваясь к доносящимся с дороги звукам, закрутил головой во все стороны.

И вдруг я увидел, что сзади нас из-за поворота дороги показался сначала свет фар, а затем и сама машина. Я открыл свою дверцу и посмотрел назад. И приглядевшись через туман, который разрезал жёлтый свет фар, я увидел, что к нам подъезжает УАЗ-фургон, тот, который в народе на-

зывают «таблетка» ну, или «буханка». Уазик припарковался с правой стороны «Нивы». Дверь со стороны Алексея открылась, и в салон машины заглянул парень лет 30.

– Ну что мужики? Замёрзли тут без меня? – спросил он. – А я так спешил к вам, – добавил он, потирая уже замёрзшие на морозе руки.

– А ты, однако, парень с юмором, – сказал Алексей. И на его лице впервые за всё это время появилась счастливая улыбка.

– Таким уж родился, да и умер весело, с улыбкой на лице, – сказал парень.

Мы переглянулись, а меня от такого юмора даже передёрнуло как от озноба. Но я почему-то тогда подумал, что он так пошутил, раз с юмором родился.

– А у меня сегодня предчувствие было, что я кому-то очень нужен буду, вот я и спешил к вам, – сказал парень.

– А за то, что ты спешил к нам, большое тебе спасибо, – сказал я. А иначе ещё неизвестно, чем бы всё это для нас закончилось.

– Ну, тогда зовите меня Мишкой, – и он по очереди протянул нам свою руку.

Я тогда ещё подумал, а почему у него такая холодная рука, прямо как лёд, ведь он только что из уазика вылез. А потом подумал, наверное, и у нас не лучше, такие же холодные и промолчал.

– Давайте для начала в тепло, в уазик, чайку горячего по-

пъёте с пирожками. Я как раз для такого дела и термос большой прихватил, и баба Маша, – это повариха наша, пирожков в дорогу наложила, как знала, что вас на дороге встречу. Я отказывался, зачем так много одному мне, а она как будто почувствовала, а вдруг кто-то на дороге замерзнуть будет, вот и угостишь их моими пирожками с мороза.

– Вот и кушайте на здоровье, она славно пирожки печёт, вам с мороза понравятся, – сказал Мишка. – А потом уже будем думать, что делать с «Нивой», она на таком морозе уже околела и никуда от нас не убежит.

– Как бы нам не пришлось мосты греть, а то сальники порвём, когда трогаться будем, – сказал Мишка и полез доставать паяльную лампу.

– Миша, а ты случайно не ангел? – спросил с улыбкой Алексей.

Мишка с минуту помолчал.

– Для вас, может и ангел, но только вы пока ещё на этом свете задержались, а вот до того света вы немного не дотянули, вовремя я приехал. А задержись я немного дольше, тогда бы мы в другом месте с вами разговаривали.

Мы переглянулись.

– И насколько задержись? – спросил Алексей.

– На два часа, через час ваш примус от перегрева должен был взорваться, – сказал Мишка и вылез из уазика. И мы снова недоумённо переглянулись.

– Странный какой-то он, – сказал я, – и откуда он мог

знать, что через час примус взорвётся. И меня от таких слов снова передёрнуло как от озноба.

– Точно ангел, – сказал Алексей и ещё раз перекрестился.

Мы залезли в салон уазика, в котором работало сразу две печки, и, налили из большого термоса по кружке чая, который с мороза был нам очень кстати. А особенно нам понравились пирожки, они были хоть и с капустой, но очень вкусные. А главное, они были ещё тёплые, что нас тогда сильно удивило, как будто Мишка только что выехал с вахты. А я ещё обратил внимание на то, что на полу салона лежала жёсткая сцепка, и я даже обрадовался ей, потому что буксирного троса у меня тоже не было, поэтому нам будет на чём, тащить «Ниву» до посёлка. Мишка залез в салон погреться и заметил мой взгляд.

– Да это я для себя её вожу, – сказал он.

– А что так?

– Да старенький УАЗ, списать уже давно пора, два раза на буксире на вахту его притаскивали. А шофера говорят: хорошо, что хоть жёсткую сцепку с собой возишь, а то бы куковал на дороге так же, как вы сейчас, на мягкой-то сцепке не каждый потащит, особенно лесовозы с длинным дышлом.

– Боятся, что под прицеп попаду при буксировке. Вот и вам сегодня сцепка тоже пригодилась, – сказал Мишка.

И пока Мишка грел мосты, мы немного отогрелись и, вытащив жёсткую сцепку из уазика через заднюю дверь, прицепили её одним концом к «Ниве». Сцепка у Мишки была

универсальная, на все легковые машины подходила. Я такой сцепки не видел ни до, ни после этого случая, а самое главное, она была заводская.

– Да, – сказал Алексей, – надёжнее и крепче сибиряков людей нет, уж я-то знаю. Я в этом неоднократно убеждался, – и он посмотрел при этом на Мишку, который с голым животом, потому что задралась рубашка, и куртка, лазил с паяльной лампой под «Нивой». В такой жуткий мороз, отогревая паяльной лампой по очереди оба моста, а заодно и коробку передач.

– Странно, и как он не мёрзнет в такой мороз, ползая голым животом по снегу, – сказал Алексей.

«А ведь его никто об этом не просил», – подумал я.

Подцепив вторым концом жёсткую сцепку к уазику, мы сели в салон, и Мишка с раскачки тронулся в натяг, чтобы не порвать мосты.

– Ну, с богом! – сказал он и с облегчением вздохнул. – Ну вот, ещё двоим замерзающим, помог жизнь сохранить, – сказал он.

Но нам тогда почему-то показалось, что он сказал это так, как будто он перед кем-то за это отчитывался. И мы недоуменно переглянулись.

– Точно ангел, – сказал Алексей и ещё раз неумело перекрестился.

А волки так и остались лежать на снежном бордюре, пока мы не скрылись за поворотом. Они не пошевелились и ни

разу не зарычали даже тогда, когда мы возились с «Нивой», расхаживая по дороге рядом с ними, только изредка поворачивая голову вслед за нами. Но особенно они поворачивали голову тогда, когда мимо них проходил Мишка. А больше всего меня удивило то, что вожак стаи как собака вилял хвостом, когда Мишка проходил вдоль снежного бордюра мимо волков.

А Мишка в этот момент протягивал руку в его сторону, приветствуя вожака рукой как свою собаку. И вожак стаи на удивление даже ни разу не рыкнул в его сторону и только помахивал хвостом из стороны в сторону. И даже тогда, когда мы ходили в трёх метрах от них, размахивая сцепкой, они ни разу не рыкнули на нас, а терпеливо ждали, пока мы уедем. А ведь спрыгнуть на нас со снежного бордюра для них было секундным делом. Я второй раз в жизни увидел таких умных волков.

«Наверное, Мишка, точно ангел, – подумал я, – раз даже волки вели себя при нём так смиренно». Или вожак стаи был помесью собаки с волком, что на Севере случается довольно часто. У меня у самого была такая собака. И вожак на подсознательном уровне ещё помнил, что ему нужно не нападать, а наоборот, защищать человека. Удачно, без остановок дотащив на жёсткой сцепке «Ниву» до моего дома, Мишка, даже не попив чай, собрался ехать в Братск, так как он жил в Братске. А работал он в бригаде «Кимбержеков», которая стояла недалеко от нашей вахты, а их машины круглые сут-

ки проезжали мимо наших вахтовых вагончиков. Но я с ним никогда раньше почему-то не сталкивался, хотя этот уазик попадался мне на дороге несколько раз.

Но в нем тогда сидели другие водители, уж это-то я хорошо помнил. Я предложил мужикам переночевать остатки ночи у меня, а утром, когда рассветёт, а расцветёт не раньше 10 часов, спокойно, не спеша уехать в Братск. Но Мишка сказал, что с работающим двигателем уазик оставлять нельзя, потому что он может заглохнуть, а в системе охлаждения залита вода, и двигатель на таком морозе быстро разморозится. А если его заглушить, то утром он его в такой мороз не заведёт, поэтому лучше уехать сейчас, тем более их уже двое, он имел в виду Алексея. А в Братске он поставит уазик в тёплый гараж, чтобы днём не заводить его на таком морозе. Алексею тоже сильно повезло в том, что в такой лютый мороз ему не придётся ночью ловить попутку. А попутки в такой мороз, да ещё под утро, ходят редко.

Но так как Алексей торопился домой, а тут так удачно подвернулся братский уазик, то он тоже не захотел остаться ночевать у меня. Хотя я видел по его лицу, что он сильно устал, а до Братска ехать на уазике ещё четыре часа. Ну а Мишке повезло в том, что у него будет попутчик, который не даст ему заснуть за рулём, так как он тоже сильно устал и мог заснуть за рулём, а заснув, свалиться в кювет. У меня хорошая память, поэтому я в этом же году, то есть ещё до Нового года, почти дословно записал рассказ Алексея в общую

тетрадь и надолго забыл про неё.

Но через девять лет, живя уже в Томске, я случайно наткнулся на неё. И, прочитав этот рассказ, я был в шоке: всё, о чём рассказал тогда Алексей, либо уже сбылось, либо сбывается в ближайшем будущем, вот поэтому я решил написать и издать эту книгу. Но я понял, что по какой-то причине он рассказал мне не всё, что знал про эту станцию и про наше ближайшее будущее тоже. Видимо, что-то особенное он не мог рассказать даже через 20 лет. Хотя я видел, что он пытался ещё что-то рассказать мне, но в последний момент переборол себя. И только через девять лет, когда я прочитал его рассказ ещё раз, я вдруг понял, что он не всё рассказал мне тогда, когда мы замерзали в «Ниве» на Тиринской дороге.

Но я сам догадался о том, что он не рассказал мне тогда. И я тоже решил пока не писать об этом, потому что раз об этом не захотел рассказывать Алексей, то и мне не стоит писать об этом. Но я не только не дописал не до-рассказанное Алексеем, но ещё и многое удалил из его рассказа, потому что людям ещё рано знать об этом, ну, а если у кого-то из читателей хватит мозгов, то он сам догадается, о чём в этом рассказе идёт речь.

Ну а, правда это или вымысел, решать уже вам самим на своё усмотрение. Но я почему-то в это поверил, правда, тоже только через девять лет и только тогда, когда многие из рассказанных Алексеем событий начали сбываться.

А возможно, ещё и потому, что сам несколько раз за свою жизнь сталкивался с подобными мистическими историями, но я о них никогда и никому не рассказывал. Потому что я по своему опыту знал, что в такие истории никто не поверит, пока он сам с ними не столкнётся, но и, столкнувшись с такой историей, ему самому в этом случае тоже никто не поверит. Вот такая у нас, у русских, психология. Но и я никому за эти девять лет так и не рассказал, как мы с Алексеем замерзли в «Ниве» на Тиринской дороге. А зачем, всё равно никто не поверит, а если и поверит, то равнодушно промолчит.

Однако на этом та история не закончилась, и то, что произошло со мной дальше, было похоже уже на мистику, в которую я до сих пор не могу поверить. Сначала я не хотел описывать это последнее событие, потому что в него невозможно поверить, но подумав, я всё-таки решил написать, для того чтобы люди узнали, чем же всё-таки закончилась эта история.

На вахту я вернулся только через неделю, пока морозы не сбавили до 40 градусов. И вот однажды, а это произошло уже после Нового года, я ехал на «Ниве» по лесовозной дороге, а навстречу мне ехал узик-буханка. И вдруг я почему-то даже обрадовался этой встрече.

«А вот и Мишка едет, вот так встреча, – подумал я. – Спрошу-ка я у него, как они тогда с Алексеем до Братска доехали».

Я остановился и поморгал ему фарами, чтобы он тоже

остановился. УАЗ остановился в 20 метрах от меня. Я вылез из «Нивы» и направился к уазу с водительской стороны. Подойдя к машине, я увидел, что за рулём уазика сидел молодой парень лет 35, не больше, но незнакомый мне.

– А где Миша? – спросил я.

– Какой ещё Миша? – удивился парень.

– Как какой? – тоже удивился я.

– А тот Миша, который работает на этом УАЗе, – сказал я.

Парень ещё раз пожал плечами:

– Да нет у нас никакого Миши. Меня звать Володя, а моего напарника Сашкой звать, а Мишу я не знаю. У нас даже в бригаде нет парня с таким именем, – немного подумав, сказал парень.

Я растерялся. Как же так, а я обрадовался, что Мишку встретил.

– А можно я загляну в салон УАЗа? – почему-то вдруг спросил я.

– Да ради бога, можешь даже посидеть в нём, если в своей «Ниве» ещё не насиделся, – и парень рассмеялся своей шутке.

Я залез в салон УАЗа и, сев на переднее сидение, принялся осматривать его изнутри. Времени прошло совсем немного, а память у меня хорошая, поэтому я хорошо помнил салон того УАЗа. Я машинально глянул на пол салона, но жёсткой сцепки на нём не было.

– Странно, а где жёсткая сцепка? – спросил я.

– Какая ещё сцепка, зачем она мне, ещё брякать в салоне будет, у меня трос буксирный есть, – сказал парень.

Я ещё раз внимательно оглядел салон.

«Странно, – подумал я. – Салон тот же, только жёсткой сцепки почему-то в нём нет».

– Ну, та жёсткая сцепка, которую Мишка постоянно возил с собой, – сказал я.

– Да не знаю я никакого Мишки, – уже с раздражением сказал парень.

– Странно, но насколько я понял, ты же из бригады «Кимбержеков», которая просеку под дорогу бьёт на Седаново, – сказал я.

– Да, ты правильно это понял, я из той бригады, мы на отсыпке в конце дороги стоим, – сказал парень.

– Ну вот, Мишка тоже в этой бригаде работает на УАЗе, – сказал я.

Я уже собрался выходить из салона, но парень придержал меня за руку.

– Хотя постой, постой, – и он, держа меня за руку, задумался, что-то вспоминая.

– Извини, друг, ты не обижайся на меня, я вспомнил, наконец, – сказал он. – Я-то на этом УАЗе работаю всего два года, а вот мой напарник Сашка уже давно работает в этой бригаде. И он как-то рассказывал мне, что три года назад в этой бригаде на УАЗе работал парень, а звали его, кажется, Мишей.

Парень снова задумался.

– Вспомнил, вспомнил, точно Миша, – сказал он. – Сашка говорил, что хорошим парнем он был, весёлым, с юмором, а главное, безотказным был. Всем помогал, хотя никто его об этом не просил.

– А почему был? – И почему ты говоришь о нём в прошедшем времени, что-то случилось с ним? – спросил я.

– Да, случилось, замёрз он на лесовозной дороге, когда в Братск поехал.

Меня в этот момент как будто током ударило. «А кто же нас тогда на дороге месяц назад спас? – подумал я. – Неужели призрак или ангел, как его Алексей тогда называл?»

– А когда это случилось? – после долгого молчания спросил я.

– А вот три года назад и случилось. Его механик за запчастями в Братск отправил ночью, да ещё и одного вдобавок. Некого больше послать с ним было, один он тогда работал, без напарника, уставал он сильно, а морозы тогда стояли под 50 градусов. А случилось это в середине декабря 2004 года, как раз перед католическим Рождеством. А уазик старенький у него был, поэтому и ломался часто, как он бедный на нём ездил, ума не приложу. Его даже пару раз на буксире на вахту притаскивали лесовозы, вот он и возил с собой жёсткую сцепку в салоне уазика. «Пусть уж лучше она гремит в салоне, чем я буду на трассе куковать», – говорил он.

– А где это случилось? – спросил я.

– А там, где старые выруба с обеих сторон вдоль дороги тянутся. Как раз на том месте это и случилось. Там ещё снег всегда глубокий наметает и дорогу часто переметает в этом месте, потому что место там открытое.

– Да ты должен знать это место, раз едешь в Эдучанку по этой дороге, – сказал парень.

Меня как будто чем-то прокололо – это же, как раз на том месте, где мы с Алексеем в «Ниве» замерзали, а Мишка спас нас тогда.

– А что, шофера не могли подобрать его на дороге? – спросил я.

– Да не было их в тот день. Погрузки в тот день не было из-за мороза, вот от лесовозов и отказались в ту ночь. А Мишка, видимо, на них понадеялся и поехал в такой мороз в ночь, да ещё и один вдобавок. Жалко Мишку, долго замерзал парень, все четыре колеса на таком морозе снял, не хотел поджигать их на машине, узик старенький пожалел, а сам замёрз. А пятой запаску сжѐг, она у него новая была, последней сжѐг её, потому что всё ещё на лесовоз надеялся. Но жечь-то больше нечего было, одно железо осталось, вот так и замерз парень у машины. А когда утром пошли первые лесовозы, то водители чуть не поседели от страха.

Мишка лежал около УАЗа лицом вверх, а на его лице улыбка застыла. А вокруг него сидела стая волков штук 30 и сидя, все одновременно жутко выли и к Мишке никого из шоферов не подпускали. Вот где страшно-то было. Сашка

сказал, что у водителей даже мороз по коже пошёл от страха.

– Мистика какая-то, но Сашка врать не будет, – сказал парень, и он вдруг неумело перекрестился. – Но, даже завидев вновь подъезжающие лесовозы, волки, ещё долго не уходили от уазика, окружив Мишку со всех сторон плотным кольцом. А водители всё это время ждали, пока волки сами уйдут от уазика.

– И ни у кого из водителей не поднялась рука наезжать на волков машиной, – сказал парень. – И ты посмотри, даже не тронули Мишку волки, хотя видно, что голодные были. Вот видишь, зверь, а почувствовал, что Мишка хорошим человеком был. А Мишка, видимо, специально вышел из машины для того, чтобы волки порвали его, лучше уж так погибнуть, чем медленно замерзнуть в машине, – и парень глубоко вздохнул.

– Страшную смерть он принял, не приведи господь и нам такую принять, все под Богом ходим, особенно мы, шофера, – сказал парень.

– Но это же не тот уазик, – сказал я, ещё раз внимательно оглядев салон УАЗа.

– Да, ты правильно это заметил, тот уазик через месяц после того случая тоже сгорел, а вернее, взорвался вместе с водителем и поварихой бабой Машей.

– Она тогда в Братск с ним ездила внучков своих навестить, вот и навестила в последний раз, – сказал, вздохнув, парень.

– Это не та баба Маша, что пирожки хорошо пекла? – спросил я.

– Не знаю, врать не буду, я её пирожки не ел, не успел, – сказал парень, – но ребята из бригады всегда стоя поминают её добрым словом, когда в столовой за стол садятся.

– А почему уазик взорвался, он что, взрывчатку в тайгу вёз? – спросил я.

– Да нет, не взрывчатку, он пять кислородных баллонов из Братска вёз и два баллона пропана, и, видимо, какой-то из баллонов по дороге травил кислород. Пока ехали по трассе по асфальту, их не сильно болтало по салону. А вот когда на грунтовую дорогу выехали то, видимо, или тряпка масляная откуда-то выпала на баллоны, или масло от болтанки пролилось под вентиль, вот тогда-то и рванула гремучая смесь. Кто теперь расскажет, как всё было на самом деле. Уазик в клочья, и водителя с бабой Машей тоже в клочья. Ребята говорили, что баллоны заполняли всегда под завязку кислородом, они часто так делали, потому что возить баллоны далеко было, а у них на кислородной станции парень знакомый работал. Вот, видимо, и не выдержал вентиль у одного из баллонов. Ладно, баба Маша – отжила уже своё, а вот водитель-то парень молодой был, жизни ещё не видел.

– А остатки уазика сгорели до пепла, видимо, температура большая при взрыве была, даже железо сгорело, – сказал парень.

И услышав от парня эту историю, я был в шоке. «Стран-

но, – подумал я, – а кто же тогда нас на дороге спас, если Мишки в то время уже три года как не было в живых, при-видение его, что ли? А возможно, что Мишка в то время и правда, был уже ангелом, ведь не зря же Алексей его анге-лом назвал, а Алексей тоже много чего знал, но почему-то не стал до конца мне рассказывать».

– А что случилось-то, почему ты его ищешь и расспраши-ваешь о нём знакомый, или может он родственник твой? – спросил парень.

– Да нет, встречались мы с ним однажды, в такой же си-туации, – сказал я.

Я не стал рассказывать парню, что Мишка, или возможно, что это был его призрак, спас нас месяц назад в том же месте на тех же старых вырубках. Там, где он сам замёрз, и тоже в се-редине декабря, и в такой же лютый мороз, когда мы с Алек-сеем замерзали в машине. А не сказал я ему лишь только по-тому, что в это трудно было поверить, пока сам не окажешь-ся в такой же ситуации.

– Ладно, Володя, ты извини меня за то, что я задержал тебя на дороге. – И как я понял, ты торопишься на вахту, – сказал я.

– Да ладно, не переживай, – махнул рукой парень, – не го-рит, успею ещё, а ребята у нас в бригаде хорошие, в тайге плохие долго не держатся, сам знаешь, если в тайге давно работаешь, а эти ребята подождут. Вот только расстроил ты меня сильно, я забыл уже эту историю с Мишкой, а сегодня

ты её мне вновь напомнил. Ребята в бригаде сильно переживали, когда это случилось. Потому что уж больно хорошим парнем был Мишка, даже волки его не тронули, а это уже на мистику похоже.

Я попрощался с парнем и вылез из уазика. Уазик медленно поехал в конец отсыпки, а я ещё долго смотрел ему вслед. «Странно, – подумал я, – но если и Мишка, и уазик были призраками, то на чём мы тогда ехали, вот вопрос без ответа. Странно всё это. Да и Мишка несколько раз дотрагивался до меня рукой, когда искал в бардачке паяльную лампу, и здоровался с нами своей рукой.

А рука-то у него была материальная, правда холодная была, но они и у нас в то время не лучше были. А самое главное, мы ели пирожки и пили чай из термоса – это что же получается, что они тоже были призраками?» Правда, за прошедшие девять лет я несколько раз вспоминал эту историю с Мишкиным уазиком. И все эти девять лет меня мучили два вопроса, и первый из них, кем был Мишка в декабре 2007 года, в то время, когда он спас нас с Алексеем на дороге. Если он был призраком, то почему и он сам, и уазик, а самое главное, чай с пирожками были материальными, а пирожки даже горячими. Этот вопрос мучил меня до тех пор, пока я снова случайно не нашёл дневник и не прочитал в нём ещё раз рассказ Алексея, про то время, когда он находился на станции.

А из прочитанного рассказа я понял, что любой человек по стечению обстоятельств во время высокой солнечной

активности тогда, когда на Солнце бушуют магнитные бури, может попасть из прошлого времени в будущее время или, наоборот, из настоящего времени в прошлое время. Вот тогда-то я и понял, что Мишка, сам того не ведая, попал из прошлого, т.е. из 2003 года, в середину декабря 2007 года, в то будущее для него время, когда мы замерзали на Тиринской дороге.

И он даже не догадывался, что он попал из 2003 года в 2007 год, потому что разница во времени по годам была небольшая, а в тайге, да ещё зимой после 2003 года, ничего не изменилось. Да и, кроме дороги и «Нивы», он больше ничего не видел, даже лесовозов в этот день не было на дороге. А попал он в будущее, видимо, потому что в то время на Солнце бушевала мощнейшая магнитная буря, так как солнечная активность в это время была максимальной за 100 лет.

А ещё я понял, почему Мишка попал к нам в 2007 год именно из 2003 года. И я вдруг вспомнил, что в салоне уазика с правой внутренней стороны кузова была приклеена, синей изоляцией по углам картинка красивой девушки с календарём внизу картинки, на котором крупными буквами было написано: «Новый 2003 год», а многие из летних дней календаря были обведены красными кружками. Выходит, что этим календарём пользовались совсем недавно, т.е. в том же 2003 году, так как он выглядел совсем новым, а изолянта больше года не держится, особенно на железе.

И Алексей тогда тоже сильно удивился, почему эта картинка девушки выглядит как новая, хотя после 2003 года прошло уже четыре года. Но второй мой вопрос до сих пор остаётся без ответа. Если Мишка попал к нам из прошлого, то есть из 2003 года в наше настоящее время, в середину декабря 2007 года, то есть в то время, когда он спас нас на Тиринской дороге. Тогда откуда он мог знать, что он замёрзнет ровно через год, в середине декабря 2004 года и причём, с улыбкой на лице?

Вот на этот-то вопрос у меня до сих пор нет ответа, сколько бы я ни ломал себе голову над ним. Правда, единственным объяснением может быть только то, что Мишка заглядывал из 2003 года в своё будущее, то есть в 2004 год, уже после своей смерти, или видел себя сам, но уже замёрзшим на дороге в кругу волков. Либо слышал от ребят, как он замёрз на Тиринской дороге с улыбкой на лице. Тогда выходит, что он уже не первый раз путешествует во времени.

В детстве я слышал от своей бабушки, да и от людей, которых в те времена называли колдуньями, что такие люди на земле есть и их довольно много. И раньше в стародавние времена, таких людей называли «мытарями», – это те люди, которые не могут найти себе место во времени. Нет, они не умерли раньше времени, они живы, но однажды провалившись в другое время, они гуляют по временам или, как говорили старые люди, они «мытарятся по временам», попадая из прошлого в будущее, и, наоборот, из будущего в про-

шное, но уже минувя настоящее время. Но иногда они заглядывают и в настоящее время, чтобы посмотреть, как в нём живут их дети или их знакомые по прошлой жизни. Но в их жизнь они стараются не вмешиваться за редким исключением, когда они хотят кому-то отомстить.

Вот тогда, попав в настоящее время, они и начинают, как тогда говорили старые люди, «шкодить», то есть ронять вещи в квартирах и даже поджигать их, а иногда и вышвыривать эти вещи на улицу, наводя на жителей таких квартир ужас, мстя либо им самим, либо их детям за прошлые обиды. Но сами они в это время стараются не показываться жителям таких квартир на глаза, чтобы они не узнали их, находясь в это время либо на несколько секунд раньше, либо на несколько секунд позже того настоящего времени. То есть в этот момент они находятся на краю параллельного пространства и времени. И видимо Мишка вмешался в нашу жизнь тоже в виде исключения, или у него это произошло случайно, и он случайно, даже не подозревая об этом, попал в наше настоящее время.

Алексея я тоже больше никогда не встречал, хотя и присматривался к охотникам, выходявшим из тайги, и многих из них я даже подвозил до посёлка, и своих, и братских. А вот спросить у охотников про Алексея я как-то не подумал. Да и фамилию я у него не спросил, когда он уезжал с Мишкой в Братск. Он тогда торопился в Братск, а я забыл спросить у него фамилию, потому что нам тогда бы-

ло не до этого. Вот поэтому у меня вдруг закралась мысль, а не уехал ли Алексей с Мишкой в Мишкино прошлое на четыре года назад?

И если это так, то мы никогда с ним не встретимся. Потому что он будет жить в другом времени, на четыре года раньше нас. Это такое время, которое для нас уже прошло ещё четыре года назад, а для них оно будет являться настоящим временем. Видимо, Алексей ещё тогда, на дороге, понял, кто такой Мишка и откуда он попал к нам в 2007 год, но мне он почему-то об этом не сказал. А уезжая с Мишкой в Братск и пожимая мне на прощание руку, он вдруг сказал:

– Не поминай меня лихом, если что-то было не так, – сказал тогда Алексей.

– И возможно, что мы никогда больше с тобой не встретимся, – добавил он.

И, махнув на прощание рукой, он сел в салон УАЗа, который сразу же тронулся. Возможно, что ещё тогда, на Тиринской дороге, он уже решил уехать с Мишкой в его прошлое. Видимо, Алексей ещё тогда догадался, что Мишка всё равно вернётся в своё прошлое на четыре года назад, т.е. в 2003 год, вот поэтому он решил уехать вместе с ним, потому что, как он сам мне тогда сказал, что здесь его никто и ничто больше не держит. А я тогда не понял, что он имел в виду, когда он сказал, что мы никогда больше с ним не встретимся. Но меня радует то, что если Алексей уехал с Мишкой в Мишкино прошлое и, зная или догадываясь о том, что

Мишка в 2004 году замёрзнет на Тиринской дороге, то Алексей не даст ему замёрзнуть. Слышать такое как-то странно для нас, потому что мы никогда не сталкивались с подобным явлением, но я думаю, что так оно и было, потому что другого объяснения у меня нет. А вот о том, что такие времена, как прошлое и будущее, реально существуют, я узнал из рассказа Алексея.

Но прочитав его рассказ, я вдруг понял, что в рассказе описано единственное и самое разумное объяснение того, что такое время и как оно идёт, а главное, как оно делится на прошлое, настоящее и будущее. А самое главное, я узнал, как можно попасть в любое из этих времён. А вот и его рассказ, который я услышал от Алексея в «Ниве» и который я записал почти дословно. И прочитав два раза этот рассказ, я вдруг понял, что в нём описано много того, чего нет на земле и, наверное, никогда уже не будет. Но главное, в этом рассказе есть самое логичное объяснение многим явлениям, происходившим в прошлом времени и происходящим сейчас, но и тем, которые произойдут в будущем времени на нашей планете.

Глава 2

Это произошло со мной в конце ноября 1986 года, в то время я жил на севере Иркутской области, в городе Братске. И уже пятую осень подряд уезжал на два месяца по договору на охоту в-Усть-Илимский район. Но этой осенью охота получилась неудачной. До середины ноября стояло необычное для этого времени года тепло. Правда, иногда по ночам выпадал небольшой снег, но уже к обеду следующего дня его съедало теплым воздухом, дующим с водохранилища. Ноябрь перевалил уже на вторую половину месяца, а погода для Севера на удивление стояла ещё тёплой, относительно тёплой для северного региона. Поэтому вода в водохранилище была ещё не сильно холодной, для того чтобы схватиться льдом хотя бы в заливах, то есть к середине ноября она была гораздо теплее, чем обычно бывает в это время года.

И вдруг 16 ноября, в ночь, неожиданно ударил сильный мороз и по ночам он доходил до 40 градусов. Это было видно по градуснику, который висел на стене зимовья, которое стояло метрах в 20 от берега залива. И к вечеру 16 ноября ветер постепенно утих, и волнение воды в заливе прекратилось, а поверхность залива стала гладкой как стекло. И после полуночи температура воздуха опустилась до – 40 градусов и залив схватило льдом. С вечера над заливом ещё стоял туман, но к двум часам ночи вода в заливе промёрзла уже сан-

тиметров на 10. Зимовье на таком морозе быстро выстывало, и мне приходилось топить печь по несколько раз за день, прихватывая ещё и пару раз ночью, поэтому мне приходилось часто выходить на улицу за дровами, а заодно и покурить. Благо, что хоть лиственничных дров я заготовил за лето две большие поленицы. Дрова за лето хорошо высохли и горели жарко и долго. И часа в три ночи я тоже вышел на улицу покурить, а мороз стоял уже за 40 градусов, и деревья от мороза издавали сухой резкий звук, похожий на выстрел из тозовки, (мелкокалиберной винтовки).

Но в эту морозную ночь стояло полнолуние, поэтому сосновый лес хорошо просматривался метров на 50 в глубину бора. И вода залива, схваченная морозом, блестела под Луной как зеркало, а лёд просматривался до противоположного берега залива. А собаки от безделья даже ночью под луной, гонялись друг за другом, по берегу залива, но иногда умышленно выскакивали на скользкий лёд и, поскользнувшись на льду, с разбега падали на лёд, катаясь по нему на животике. А я через окно зимовья наблюдал за ними и видел, что им это нравилось, но стоило мне выйти на улицу, как они прекращали свои развлечения. Правда, иногда они находили в районе зимовья белку, которую на таком морозе было слышно далеко, и часами облаивали её, пока не надоест лаять им самим, охрипнув от лая, или мне надоест слушать их лай, и я прикрикну на них, чтобы они прекратили напрасно лаять.

Но уже на третий день, не выдержав безделья, я решил прогуляться по тайге и направился в сторону второго зимовья, которое находилось в 10 километрах от первого зимовья, но выше против течения реки. Но ушёл я от зимовья недалеко, потому что под ногами скрипел промёрзший на морозе снег и шуршали не засыпанные снегом сухие листья, поэтому слышно меня было за полкилометра. И с непривычки после теплого зимовья было так холодно, что пришлось опустить уши у шапки. Да и на таком морозе не хватало воздуха, мне показалось, что он стал жидким, и дышать таким воздухом было тяжело, особенно при подъеме в гору. И при вдохе морозным воздухом лёгкие сильно обжигало. Собаки тоже без особой радости бежали впереди меня, но чаще норовили бежать сзади меня, наступая мне на пятки. И я, побродив часа два по лесу, вернулся в зимовье.

А через два дня с обеда запад начал затягиваться тучами и стало заметно теплее, если —20 можно было назвать теплом. «Значит, завтра будет хороший день для охоты», — подумал я. А утром я встал рано, еще затемно, и спустился на лед. Залив за эти дни промерз сантиметров на 40, а местами и на все 50, — это было заметно по вмёрзшим в лёд деревьям и по пузырькам воздуха во льду. А в залив с обеих сторон водораздела впадали две речки Шаманки, которые брали начало на хребте Шалыги, который являлся водоразделом между двумя сибирскими реками Ангарой и Илимом. Но в вершине залива, куда впадали речки Шаманки, лёд дол-

го не замерзал из-за быстрого течения воды. А от воды, ещё не успевшей схватиться льдом, в устье речек стоял густой туман. А между речек находился водораздел, то есть мыс, который вдавался в залив еще километра на два, заросший густым сосновым лесом. Посмотрев со своего берега на мыс, я решил в первый день после морозов не ходить далеко в тайгу, а сходить на этот мыс через залив, который за эти дни хорошо промерз. Потому что в сильный мороз из леса на берег хорошо выходят лоси, и даже изюбри.

Но выходят они на открытые места, потому что чем сильнее мороз, тем выше влажность воздуха в хвойных лесах, но особенно в пихтачах, а тем более в распадках, вот поэтому они и выходят на открытые места на старые вырубка и даже на лёд. И лоси, и изюбры объедают с веток деревьев тину, которая накопилась за лето на ветках деревьев, которые стоят в воде ещё со времён затопления водохранилища. Потому что в тине содержится много соли и йода, которые они объедают вместе с корой деревьев. И набрав в чайник воды из проруби, я вернулся в зимовье, предварительно глянув на градусник, на нем было – 6 градусов.

«А вот это уже значительно теплее после сорока-то градусов», – подумал я.

Я попил чай, собрал рюкзак, не забыв положить туда топор в чехле, и вышел из зимовья на улицу, а на улице в это время сыпал мелкий снежок.

«Ну вот, – подумал я, – это уже хорошо, хоть старые следы

присыплет свежим снегом».

– Да, день будет хорошим, – сказал я собакам, которые ждали меня сидя у двери зимовья. Собак у меня было две, Норка – это сучка, которая хорошо шла по соболю, а вторым был кобель Палкан, который ставил любого зверя. Палкан был помесь собаки с волком, такой же серой масти, а главное, он был высокий на ногах и на удивление хорошо держал лося и даже изюбря, а таких собак, которые держат, а не ставят на отстой изюбря, очень мало. Собакам, так же, как и мне, за эти дни надоело бездельничать, поэтому они с радостью ждали моей команды вперёд.

– Ну что, друзья, вперёд, пойдем искать зверя, – сказал я, выйдя из зимовья.

Собаки с радостным визгом кинулись на лед и тут же попадали. Лед в этом месте был прозрачным как стекло и очень скользким. Прихватив ружьё, я осторожно спустился следом за собаками на лед. Но идти по скользкому льду было трудно, ноги разъезжались в разные стороны и от напряжения сильно уставали. Собаки тоже крались, осторожно переставляя лапы по льду, так как когти лап в этом случае им уже не помогали, они скользили по льду, оставляя на нём неглубокие царапины. Ширина залива в этом месте была метров 500. А в это время с моря подул ветерок, и стало прохладно, потому что ветер пробирал до костей. Я прибавил шаг для того, чтобы немного согреться. Выйдя на шершавый лед, – это когда на скользкий лед падает снег и примерзает к нему под-

топленный снизу через трещины водой. И выскочив на шершавый лед, собаки, обгоняя друг друга, припустили по шершавому льду к противоположному берегу залива. Но, не добежав до противоположного берега метров 20, собаки вдруг заводили носами по ветру и заметались вдоль берега залива, опустив нос к земле.

– Я заволновался. «Значит, под утро на лед выходил зверь, либо изюбрь, либо сохатый», – подумал я. Собаки заметались уже по берегу, распутывая след, а затем, обгоняя друг друга, понеслись на бугор.

«Значит, взяли след», – обрадованно подумал я. Я прошёл вдоль берега залива метров 100. И увидел на льду, присыпанном свежим снегом, были видны свежие следы большого изюбря.

«Да такой крупный и круглый след может быть только у быка», – подумал я.

И от деревьев с тиной следы уходили на берег, а затем уже быстрым шагом на бугор. Я вышел на берег, присел на сухую валёжину и закурил. Было приятно после пяти дней затянувшихся морозов посидеть на улице, на сухой валёжине. И вдруг на бугре, в полукилometре от меня, залаяли собаки, лаяли они зло, а так они лают только на зверя, но через минуту лай стих. Я прошел метров 100 наверх бугра, остановился и стал слушать. Вдруг собаки залаяли снова, но уже далеко, в самой вершине водораздела. Видимо, они подняли с лежки быка, а его тяжело удержать на одном месте даже

двум собакам, да ещё и изюбря.

«Значит, день пройдёт впустую, собаки будут гонять его до тех пор, пока он не уйдёт далеко в тайгу, – подумал я. – Тем более они хорошо отдохнули за эти пять дней».

И прождав на бугре часа два и не услышав больше собачьего лая, я перевалил через бугор в другой залив, на вторую Шаманку, чтобы посмотреть, есть ли там следы изюбря. А на Нижней Шаманке весь берег и даже лед вдоль берега залива были истоптаны сохатыми и изюбрями. Видимо, эти пять дней они здесь хорошо кормились, весь берег в глубину 100 метров от берега был в свежих лежках. Но услышав собачий лай, изюбри от греха подальше ушли в вершину водораздела.

«Вот куда нужно было идти сразу, ну да ладно, всему своё время», – подумал я. Я вернулся на бугор и прошёл по нему с километр в вершину водораздела, но собаки молчали. И прождав на бугре часов до четырех и не услышав больше собачьего лая, я направился к берегу залива.

«Дождусь собак там, – решил я. – А пока собак нет, согрею чай».

И на берегу залива я нашел выброшенное волной дерево и решил развести около него костер. Я насобирал по берегу сухих дров и развел костер, правда, в котелок пришлось нарубить льда, так как лед в этом месте сильно промерз, и я не смог добраться до воды. Костер получился жаркий, и чай вскипел быстро. Собаки прибежали на берег залива, когда

уже начало темнеть.

– Ну что, друзья, день прошел впустую, – сказал я, обращаясь к собакам.

Собаки виновато посмотрели на меня и, опустив головы, направились к валёжине, лежавшей недалеко от костра. Снег повалил крупными хлопьями, а с залива в мою сторону потянул холодный ветерок. Допив уже холодный чай, я стал собирать рюкзак.

– Пора, барбосы, – сказал я, поднимаясь с валёжины.

Еще полкилометра нужно идти до зимовья по скользкому льду, а уже темно. Я достал из рюкзака плоский фонарик и сделал шаг к берегу. Собаки с неохотой вылезли из-под валёжины, они сильно устали, гоняясь за изюбрем. Вдруг из-за бугра водораздела через снежную пелену пробился яркий свет.

«Бог ты мой, да откуда здесь машина-то взялась, – подумал я, – ведь здесь кругом тайга и дорог нет на десятки километров вкруговую». А свет становился все ярче, и через снежную пелену он казался ярко-голубым. Сначала я подумал, что это летит припозднившийся вертолёт, такое с ними частенько случалось, но как можно лететь так низко над тайгой ночью, да ещё в такую погоду, когда налетел снежный заряд и снег повалил крупными хлопьями. И вдруг из-за бугра водораздела бесшумно выплыл большой диск, со стороны он был похож на большое перевёрнутое вверх дном блюдо.

«О Господи, а это ещё что такое и откуда оно взялось здесь

в глухой тайге?» – подумал я.

И в этот момент я растерялся, потому что мне никогда не приходилось видеть летательный аппарат, который медленно и бесшумно летел в мою сторону, а по бокам этого блюда ярко вспыхивали проблесковые габаритные маячки. И в этот момент в ногах появилась незнакомая мне до сих пор слабость, и я, чтобы не упасть, присел на валёжину. Но долетев до берега, диск плавно остановился и завис на одном месте, высматривая что-то внизу, а затем медленно поплыл в вершину залива. И в этот момент из нижней части диска выдвинулся круглый цилиндр, а из него вспыхнул луч света, похожий на луч света большого армейского прожектора, но в диаметре он был не менее четырёх метров. Луч света медленно пробежался по льду по периметру залива, как будто он там что-то искал, обшаривая каждый уголок залива, и, никого там не найдя, он направился в мою сторону. Но, не добежав до меня метров 100 и медленно скользя по льду залива, луч света с ходу упёрся во вмерзшее в лёд дерево, которое до половины торчало изо льда. И вдруг дерево, как от удара по нему чем-то твёрдым с треском разлетелось на щепки, которые веером разлетелись по льду в разные стороны. Расправившись с деревом, луч направился в мою сторону.

«Сейчас что-то будет», – со страхом подумал я и прижался к валёжине.

Но, не добежав до меня метров 20, луч света резко остано-

вился и замер на месте. И что показалось мне странным, конец луча в этом месте резко обрывался, как будто его обрубил острым ножом. Но больше всего меня удивило то, что середина луча была пустотелая, как труба, т.е. у него светились только стенки луча, которые были толщиной не более 15 сантиметров по всей окружности луча. «Бог ты мой, – взмолился я, – что это, я никогда такого необычного луча света не видел!» Луч скользнул по льду влево-вправо, но вперёд он не продвинулся ни на сантиметр, я заметил это по торчащему рядом с ним изо льда дереву. Но то, что я увидел потом, привело меня в шоковое состояние: луч вдруг начал как бы утягиваться назад к тому месту, откуда он был до этого выпущен, сначала медленно, а затем быстро-быстро, и, в конце концов, он вдруг мгновенно исчез, так же, как и появился. «Да быть такого не может, чтобы луч света был таким твёрдым, но главное, пустотелым, и то, что от него даже дерево разлетелось в щепки», – со страхом подумал я. Я никогда не видел твёрдый луч света, поэтому был очень сильно удивлён. Я даже представить себе не мог, что луч света может быть таким твёрдым. И пока диск висел на одном месте, я успел его хорошо разглядеть. Низ диска был плоский, но по окружности днища диска были расположены два огромных кольца, как два бублика, один внутри другого.

А на светящихся кольцах через равные расстояния друг от друга находились выпуклости, похожие на катушки для ниток, но между катушками находились мощные кронштей-

ны, которые поддерживали бублики на весу под днищем. И от катушек исходило голубое сияние, похожее на северное сияние, но с преобладанием голубого цвета и вращалось голубое сияние в виде колец, медленно вращающихся в разные стороны. То есть внутреннее кольцо вращалось против часовой стрелки, а наружное кольцо вращалось с такой же скоростью, но только уже по часовой стрелке. Вернее, вращались не сами кольца, а излучение, исходящее от выпуклостей, которые были похожи на катушки для ниток.

Но в зависимости от скорости передвижения диска надолгом менялась и интенсивность излучения и даже скорость вращения светящихся колец. Но временами оно походило на северное сияние, вот только светилось оно не так, как светится северное сияние – зелёным цветом, а светилось оно всеми цветами радуги, но с преобладанием голубого цвета. Я сразу подумал, что это какое-то СВЧ-поле очень большой мощности, но мы таких полей ещё не знаем. Я хорошо разбираюсь в радиотехнике и знал, что такое СВЧ-поле и как оно действует на психику человека. А в центре днища было расположено круглое отверстие диаметром около 10 метров, которое было закрыто пластинами, похожими на шторку диафрагмы в плёночном фотоаппарате, и эти пластины временами раздвигались по кругу. Но верхняя часть диска по центру была выпуклая, как будто на него надели шляпу.

А по окружности этой шляпы светились круглые окна, но наверху шляпы находилось что-то похожее на антенны

незнакомой мне конструкции, хотя в антеннах я тоже неплохо разбирался. Но меня удивило ещё и то, что на корпусе тарелки (будем называть этот корабль тарелкой, потому что корабль действительно был похож на перевёрнутое вверх дном большое блюдо) – находились габаритные проблесковые маячки. И проблесковые маячки стояли в паре, по два габаритных огня с каждой стороны тарелки, и два огня находились на вершине тарелки, и один из огней вспыхивал малиновым цветом, а второй следом за ним, но через несколько секунд, голубым цветом. Я сразу тогда подумал, что видимо, эти габаритные огни предназначены для наших самолётов или таких же, тарелок как эта тарелка, для того чтобы не столкнуться друг с другом в воздухе. Я находился в шоке и не мог встать с валёжины, мне показалось, что меня придавило к валёжине чем-то тяжёлым. Чем-то тяжёлым, но не материальным, и чувствовалось сильное давление, такое сильное, что я не смог даже приподняться с валёжины. Но самое главное, на что я обратил внимание, так это на то, что давление на тело было не односторонним, а давило на каждый сантиметр моего тела со всех сторон. А диск находился как бы внутри мыльного пузыря, если можно так сравнить, и пузырь переливался всеми цветами радуги, периодически вспыхивая голубым светом, который пробегал по пузырю волной.

И немного повисев в конце залива, диск медленно поплыл вдоль берега залива в мою сторону. И как я понял, он что-то высматривал уже на моём берегу залива, там, где сидел

я. Я с большим трудом встал с валёжины и зачем-то начал тушить вновь разгоревшийся костер, временами поглядывая на диск, который медленно перемещался в мою сторону вдоль берега залива. И от диска исходило такое сильное сияние, что весь залив был виден как на ладони в полнолуние, а временами ещё ярче, хотя погода в этот день стояла пасмурная и, снег сыпал крупными хлопьями. Но он не долетал до диска, а исчезал прямо на глазах, даже не растаяв. В диаметре диск был метров 50, не меньше, я никогда такого летательного аппарата раньше не видел.

И я даже не мог себе представить, как можно летать без крыльев и беззвучно. Да и в 80-е годы не часто о таком писали в газетах. Какой-то идиот, наложил на эту тему запрет, и меня всегда это возмущало до глубины души. Что скрывать-то, а главное, от кого скрывать-то, от самих себя, что ли, когда и так всё, а главное, всем ясно, что это не наши, не земные летательные аппараты. У нас пока ещё мозгов не хватает изобрести такой аппарат. И вдруг я почувствовал, что по мере приближения диска ко мне, моё тело стало покалывать мелкими иголками и ещё сильнее придавило к валёжине на — которой я до этого сидел.

И собаки от страха забились под валёжину, а шерсть по всему их телу, но особенно на загривках, светилась голубым цветом. Я решил погладить собак рукой и немного успокоить их, но моя рука от прикосновения к шерсти собак тоже покрылась голубым цветом и уже сама стала светиться

голубым светом. Свет не обжигал руку, но мелко покалывал её иголками и потрескивал, как электрический разряд, когда я проводил по шерсти рукой. Как будто шерсть была сильно наэлектризована. Собаки от страха тряслись всем телом. Я никогда такого за ними раньше не замечал.

И даже тогда, когда они в тайге держали взрослого медведя. Видимо, это высокочастотное поле так сильно подействовало на собак, наводя на них жуткий страх, что они от страха тряслись всем телом. Но, не долетев до меня метров 30, диск завис надо льдом, а затем начал медленно снижаться. И лед в заливе стал под ним прогибаться в чашу, который с шумом трескался во все стороны, а от чаши, как лучи, расходились трещины. И в образовавшуюся чашу хлынула вода, а сам диск завис на высоте 10 метров над чашей.

И вдруг вода на моих глазах исчезла из чаши и больше её не заполняла, хотя по закону нашей физики под большим давлением воды залива чаша должна была снова заполниться. И только потом я узнал, что есть другие физические законы, но только не для нас. Из днища диска выдвинулась телескопическая труба, и, растопив лед, от которого пошёл пар, опустилась в воду залива. Звук, исходящий от диска, трудно было с чем-то сравнить, правда, единственное, с чем я мог сравнить этот звук, так это когда в сырую пасмурную погоду, когда большая влажность воздуха и ты стоишь под тремя высоковольтными линиями ЛЭП-500 в 1,5 миллиона вольт напряжения.

Вот тогда от неё слышен звук, похожий на шелест. Кто стоял под такой линией ЛЭП, тот знает этот звук. И вдруг вместо снега пошел горячий дождь, а затем и он прекратился. Только где-то в километре от диска просматривалась снежная пелена. Но сам диск просматривался не четко, создавалось такое впечатление, что вокруг него какое-то плотное поле, по которому периодически пробегали разноцветные огни. Но корпус диска был похож на металлический, а металл серебристо-белого цвета.

И вдруг от корпуса диска через это поле проявился четкий коридор метров пять шириной, в котором оказался и я. Странно, но я почувствовал, что давление, придавившее меня к валёжине, уменьшилось, но всё равно ещё сильно чувствовалось. А в это время в корпусе диска раздвинулись створки двери, как в лифте, только две и в разные стороны. И в проеме двери показались два человека, они как близнецы были похожи друг на друга. И вдруг со всех сторон как эхо послышалась красивая мелодия, я такую мелодию никогда до этого не слышал. Рука об руку они стали спускаться по воздуху как по лестнице. Я тоже находился в полосе этого коридора и, в нем было тепло как летом, а снег, который попал в полосу коридора, мгновенно растаял. Нет, он даже не растаял и не испарился, он распался на молекулы, но об этом я узнал уже позже. Мне стало жарко. На мне был толстый шерстяной свитер, а сверху свитера была надета суконовая куртка зеленого цвета.

Эти двое, как их назвать, я ещё не знал, подошли ко мне метра на два. Высотой они были метр шестьдесят, не больше, чуть ниже меня ростом, но вполне нормальные люди. В толпе, наверное, не обратил бы на них внимания, но единственное, что отличало их от нас, так это непропорционально большая голова и довольно великоватые тёмные глаза, но они не сильно бросались в глаза. Одеты они были легко: голубоватого цвета брюки и белая рубашка навыпуск. А на ногах была надета обувь – что-то вроде кроссовок. И тот, что стоял от меня по правую руку, на чистом русском языке без какого-либо акцента поздоровался со мной, но руки, как принято у нас, не подал. Я ответил ему тем же и своей руки тоже не подал.

Затем, немного помолчав, он сказал:

– Мы хотим, чтобы ты полетел с нами.

– Куда и зачем? – спросил растерянно я.

После всего увиденного я был в шоке и ещё не мог прийти в себя.

– Ну, куда, ты узнаешь чуть позже, а вот зачем, ты узнаешь прямо сейчас, – сказал правый.

– Мы хотим извлечь из твоей головы имплантат, – добавил он.

Я мысленно представил себе, что они что-то извлекают из моей головы, я даже не знал, что это такое. И меня вдруг бросило в жар. А тот, что стоял слева от меня, улыбнулся и сказал:

– Не бойся, это не больно.

– И когда вы успели его туда поставить? – спросил я.

– В детстве, в восьмилетнем возрасте, ты тогда жил в Восточном Казахстане, – не то вопросительно, не то утвердительно сказал левый.

– Да, – сказал я, – жил там когда-то, но это было давно.

– А мы знаем, когда ты там жил, – сказал правый.

Я растерялся ещё сильнее и не знал, что ответить ему на это.

– А сейчас ты должен вспомнить лето 1959 года, – это как раз то время, когда ты жил в Восточном Казахстане, – продолжил правый.

Я попытался что-то вспомнить про этот период времени, но я даже не знал, что мне нужно вспомнить, а в голове в это время была только чернота.

– Понятно, – сказал левый, – он так ничего не вспомнит, потому что у него вместо этого события чёрное пятно.

И в этот момент правый шагнул ко мне, и в его правой руке появилась маленькая трубка, которая телескопически выдвинулась до 50 сантиметров в длину. Он дотронулся до моей правой руки этой трубкой, и я почувствовал, что сначала по руке, а затем уже и по всему моему телу пробежало тепло.

– А вот теперь вспоминай, – сказал он. – Ты со своим старшим братом идёшь по полю, а над вами летит оранжевый шар.

– Вспомнил? – спросил он и посмотрел при этом вопро-

сительно на меня.

И вдруг в моей голове как на экране появилась цветная картинка, на которой мы с братом Васей идём по полю, задрав головы вверх, а по небу над нами летит оранжевый шар, около метра в диаметре. Брат поднимает самодельный лук вверх и стреляет стрелой из лука в направлении шара. И все, что я после этого помню, так это вспышку в глазах и то, что мы оба веером падаем на землю, и я в этот момент теряю сознание. Мне тогда было восемь лет. Все это было показано мне как бы со стороны, как будто кто-то снимал нас на кинокамеру, только в цветном изображении и даже со звуком.

– А я почему-то всегда думал, что мне в голову попала стрела, выпущенная братом из лука, и пробилась мне череп с левой стороны головы над левым полушарием, – сказал я. – И почему-то мы оба не помним об этом событии, я спрашивал об этом брата. Но я спрашивал его только про стрелу, выпущенную им из лука, а вот о шаре я вообще ничего не помню.

– Да и брат тоже ничего не помнит, даже то, как он стрелял из лука в оранжевый шар, – сказал я.

– Нет, ты ошибался, это была не стрела, – ответил правый, – это мы дистанционно поставили тебе имплантат, а не помните вы об этом, потому что мы стерли вам память.

– А сам корабль в это время находился в туче, вот поэтому вы его не видели, – сказал правый.

– Но что такое имплантат? – спросил я.

– Узнаешь чуть позже, – немного помолчав, сказал он, – а сейчас у нас нет времени для объяснений.

– Он тебя не беспокоит, голова не болит? – спросил он.

– Да, в последнее время частенько стала побаливать голова с левой стороны, то есть в районе левого полушария, но я в это время надеваю на голову медный обруч в виде шапочки, специально сплетённый мной для этого из медной проволоки, и боль постепенно проходит.

– Но в этом месте сразу же после того обморока образовалась небольшая шишечка, которая всегда болит, но особенно тогда, когда до неё дотронешься пальцем, – сказал я.

– А про медный обруч ты сам догадался? – спросил правый.

– Да, – ответил я. – Я неплохо разбираюсь в радиотехнике и знаю, что такое СВЧ-поле и как оно действует на психику человека.

Они переглянулись между собой.

– Похвально, – сказал левый, – выходит, что мы в тебе не ошиблись.

– Логично, хорошая защита, – немного помолчав, добавил правый. – Надо бы в дальнейшем это учесть. А ты ничего не замечал за собой такого, ну, что как будто кто-то со стороны отдаёт тебе приказания или вмешивается в ход твоих мыслей, кто-то другой, посторонний?

– Да, я такое за собой замечал и довольно часто. Я даже как бы спорил с ним мысленно, и приходилось выполнять

его указания или прислушиваться к его советам. Но иногда он даже делал мне замечания, когда я поступал неправильно.

– Я даже хотел обратиться по этому поводу к врачу, – сказал я.

– А вот этого-то как раз и не нужно было делать.

– Почему? – удивился я.

– Тебя бы закрыли в одно закрытое заведение, и нам пришлось бы тебя оттуда вытаскивать. Потому что эти симптомы похожи на признаки шизофрении, у вас эта болезнь так называется.

– В психбольницу, что ли? – спросил я.

– Да, у вас это заведение называется психбольницей. А когда ты надевал на голову медный обруч, что ты тогда чувствовал?

– Все прекращалось, но в голове был слышен шум, который долго не проходил, даже после того, как я снимал медный обруч.

– Понятно, – сказал левый, – значит, имплантат нужно убирать, и чем быстрее мы это сделаем, тем лучше для тебя, поэтому тебе всё равно придётся лететь с нами.

– А это будет иметь какие-то последствия? – спросил я.

Правый немного помолчал, а затем ответил:

– Мы немного запустили момент изъятия имплантата, потому что связь с твоим имплантатом иногда надолго пропадала. Поэтому в твоём черепе на месте изъятия имплантата останется отверстие, которое быстро зарастет межкостной

тканью. А сверху на черепе будет небольшая белая шишечка, которая первое время будет часто тебя беспокоить, но ты старайся не обращать на это внимание.

«Ничего себе успокоил», – подумал я. А правый улыбнулся, и мне в этот момент показалось, что он прослушивает мои мысли.

– А как вы меня нашли? – спросил я.

– По имплантату, иногда связь с ним надолго пропадала, но сейчас, узнав про медный обруч, мы поняли, почему она пропадала.

– Ну что, идем с нами на корабль? – сказал правый.

Я с тоской посмотрел на забившихся под валёжину собак, на ружьё, лежавшее стволом на валёжине и уже слегка присыпанное изморозью.

– А как же они? – показал я на собак. – Что будет с ними, ведь не могу я бросить их здесь одних – пропадут. Здесь же круговую на десятки километров нет людей, тайга кругом.

Левый каким-то отсутствующим взглядом посмотрел на собак.

А может, взять с собой? – сказал я и посмотрел на них восторженно. А про себя я вдруг подумал: пусть хоть собаки охраняют меня от них. А левый вдруг снова улыбнулся и я в этот момент догадался, что он прослушивает мои мысли через мой имплантат.

– Нет, – категорично сказал правый, – животных брать с собой на корабль нельзя.

– А что же тогда делать? – растерянно спросил я.

– А собаки пусть пока остаются здесь, в заливе, с ними ничего не случится, но когда ты вернешься назад, они будут ждать тебя здесь, – сказал он.

– Выходит, что вы вернёте меня назад? – обрадованно сказал я.

– Да, вернём, если ты сам захочешь вернуться обратно на Землю.

– Насильно мы никого там не держим, – сказал правый.

– Но я предупреждаю тебя заранее, нам придётся стереть тебе память с того момента, как ты нас увидел, и до того момента, как ты с нами распрощаешься, – сказал левый.

– Хорошо, я согласен, – ещё не зная, что это такое, стереть память, сказал обрадованно я.

Они подхватили меня с обеих сторон под руки, и, что меня больше всего удивило, поднявшись на высоту пяти метров, мы полетели по воздуху к двери корабля. Мы медленно влетели в коридор, и дверь за нами бесшумно закрылась. Но больше всего меня удивило то, что когда они подхватили меня под руки, то я не почувствовал веса своего тела, нет, я видел и чувствовал свои руки и ноги, но они были какие-то воздушные и не материальные.

Глава 3

Коридор был шириной около трёх метров и совершенно пустой, и, как я понял, он по дуге заворачивал влево. Мы прошли по коридору метров 20. Вдруг один из моих провожатых остановился и повернулся лицом к стене, которая находилась с левой стороны коридора. На стене на уровне его груди находилось два кружка: зеленый и красный, но располагались они на стене в горизонтальном положении, и каждый из кружков был величиной с трехкопеечную монету.

– Зеленый кружок – открыть дверь, а красный – закрыть, – сказал он, обращаясь ко мне, – и так будет везде.

Провожатый поставил палец на зеленый кружок, и вдруг из-под его пальца раздался писк, и стена разъехалась на две половины. Мы вошли в комнату, провожатый снова поставил палец на зеленый кружок, только уже на другой стене, под его пальцем снова раздался писк, и перед нами вновь разъехалась стена. И прямо перед собой я увидел душевую кабину.

– Ничему не удивляйся, здесь все, как у вас на Земле, – сказал он.

Провожатый поставил палец на зеленый кружок, и сбоку из стены выдвинулась полка, на которой лежали мыло, шампунь и мочалка.

– Я думаю, что делать с ними дальше, объяснять тебе

не надо, тем более ты такой догадливый, – сказал он и улыбнулся. Я первый раз за всё это время увидел, как он улыбнулся, его улыбка была приятная, такая же, как у нас, и я немного успокоился.

– Здесь рядом находится комната, в которой ты сможешь потом отдохнуть.

– И я тебе её потом покажу, – сказал он.

– А как мне вас называть? – спросил я.

– Называй нас наблюдателями. У нас не принято называть друг друга по именам, хотя они у нас тоже есть.

– Всех? – удивился я.

– Да, всех, а мы пойдем, к кому конкретно ты обращаешься.

Наблюдатель поставил палец на желтую точку рядом с красной точкой.

– Тебе будут давать указания, что тебе делать дальше, – сказал наблюдатель.

Наблюдатели вышли из комнаты, и дверь за ними бесшумно закрылась. Вдруг из стены слева от меня, выдвинулся небольшой ящик, и голос в моей голове сказал: «Раздевайся и сложи все вещи в этот ящик». Ощущение от голоса, прозвучавшего в моей голове, было очень неприятное. Я за всё время впервые услышал в своей голове такой громкий голос, видимо из-за того, что он находился от меня так близко.

Я снял с себя всю одежду, остались только трусы. Голос сказал: «Это тоже снимай». Я сложил все вещи в ящик,

и ящик снова бесшумно задвинулся в стену. Вдруг голос сказал:

– Подойди к стене, которая находится перед тобой.

Я подошел.

– С левой стороны на стене видишь зелёную точку?

– Да, – сказал я.

– Закрой ее пальцем.

Я поставил средний палец на эту точку, под пальцем раздался писк, и передо мной открылась дверь. Я вошёл в комнату, дверь за мной также бесшумно закрылась. Я огляделся. С правой стороны от меня находилась самая обыкновенная ванна. Я потрогал ее рукой, но она была не чугунная, как у нас, а из пластика.

«Как кстати», – подумал я.

Прошло уже три недели после того, как я последний раз помылся в бане. А всё потому, что сначала на водохранилище несколько дней бушевал сильный шторм, а затем ударил мороз, и я не смог сплавать в посёлок за море, в котором я остановился у своего хорошего знакомого. Я обратил внимание на то, что на стене над ванной находились три квадратика, по краям зеленый и красный, а в центре желтый.

«Как светофор, только в лежачем положении» – подумал я. А с левой стороны во всю стену находилось обычное зеркало.

– Встань ногами в ванну, – сказал голос в моей голове. – А затем нажми на красную и зелёную кнопки одновремен-

но, и вода сама автоматически перемешается до нужной тебе температуры. А шампунь, мыло, и мочалка лежат перед тобой на полочке, – снова сказал голос в голове.

Я выполнил все его команды. И тут же из стены выдвинулась полочка.

«Странно, – подумал я, – тут все, как у нас на Земле». Но голос в голове поправил меня:

– Это на Земле многое, как у нас.

– Ты что, подсматриваешь за мной? – спросил я.

– Нужен ты мне, мне была дана команда, присмотреть за тобой, чтобы ты не наделал глупостей.

Его ответ мне понравился.

«Это уже по-нашему», – подумал я. Но особенно мне понравился его ответ. «Да нужен ты мне».

Я быстро помылся и вылез из ванны, остатки воды сбегали с меня на пол. И я по привычке поискал глазами тряпку, чтобы собрать воду с пола, но вода на моих глазах моментально исчезла.

– Видимо полотенце здесь также не нужно, – подумал я.

Но я ошибся. Я пошарил руками голову, но волосы были мокрыми. Я посмотрел по сторонам и увидел, что на стене напротив меня висело большое махровое полотенце. Я вытерся полотенцем и повесил его на место. И вдруг из стены выдвинулся ящик, а в нём лежала одежда, такая же, какая была на наблюдателях.

Я прикинул ее на себя. «Мой размер», – подумал я.

И в этот момент голос в голове сказал: «Оденься и выходи в коридор, тебя там ждут».

Я быстро оделся и вышел в коридор. А в коридоре меня поджидал один из наблюдателей. Мы прошли с ним метров пять по коридору, и, он открыл дверь, которая находилась с правой стороны коридора. Мы вошли в комнату. Комната была небольшая: четыре на четыре метра. И с правой стороны комнаты была откинута полка, такая же, как в купейном вагоне, и в комнате больше ничего не было. Вдруг в стене открылась ниша, в которой лежали подушка и одеяло, но какие-то воздушные и очень легкие.

– И если ты захочешь отдохнуть, то ложись вот на эту полку, – и он похлопал рукой по полке, которая находилась справа от него. – Но если не сможешь долго заснуть, то закрой пальцем вот этот светлячок, – и он показал пальцем на оранжевый глазок.

Немного постояв, как будто он хотел ещё что-то сказать или спросить, но почему-то передумал и, ничего больше не сказав, вышел в коридор.

А я остался в комнате один. Состояние было жуткое, я не мог поверить в то, что попал на инопланетный космический корабль, мне казалось, что это либо сон, либо у меня начались галлюцинации. Но немного успокоившись, я растелил постель и лег на полку, а в голове в это время роилась вереница мыслей, одна хуже другой. Но больше всего я переживал за собак, как они там сейчас, голодные уже, ведь

там тайга и на десятки километров во всей округе нет жилья. А пока замерзнет лёд на водохранилище, им придется мышковать, а ещё хуже – голодать. Да и найдут ли они дорогу домой по льду, ведь я привёз их в залив на лодке. Я не мог потерять таких умных собак, но я уже ничего не мог изменить, и мне пришлось смириться с участью пленника и поверить наблюдателям в том, что они вернут меня обратно в залив. Я уперся глазами в глазок, которым наблюдатели открывают дверь.

«Неплохо придумали, – подумал я. – Кнопки непрактичные, сильно торчат из стены, часто ломаются, да и дети могут разломать, им хоть черта, все равно сломают, а эти ребята молодцы, хорошо придумали. Хотя нашим пацанам и это ненадолго».

Я никак не мог уснуть, к тому же сильно разболелась голова. И в этот момент в голове раздался тот же голос:

– Это с непривычки у тебя болит голова, потому что здесь низкая частота и слабое магнитное поле, поэтому, чтобы уснуть, ты должен закрыть любым пальцем оранжевый глазок, и только после этого головные боли прекратятся, и ты быстро уснёшь.

«Они что, следят за мной?» – подумал я.

Я закрыл глаза и, нащарив пальцем оранжевый глазок, закрыл его пальцем и сразу провалился в темноту. Но проснулся я от ощущения, что на меня кто-то смотрит. Я повернул голову в сторону прохода и увидел, что напротив меня на та-

кой же полке сидит человек, но не наблюдатель, а человек внешне похожий на землянина. Волосы на его голове были темные и коротко подстриженные, да и лицо было земное.

– Привет, русский, – сказал он на чисто русском языке и улыбнулся. – Ты занял мою полку, обычно я сплю на этой полке с правой стороны.

– Но я же не знал, что ты спишь на этой полке, – сказал растерянно я.

Спросонья, я никак не мог сообразить, кто он такой и как вести себя с ним. Но это был не наблюдатель – это уж точно, и я немного успокоился.

– Да ладно, не переживай, какая разница на какой полке спать, просто я привык всегда спать с правой стороны, а сегодня я никак не мог уснуть, видимо, сказывается привычка спать на одном и том же месте.

Я ошарашенно смотрел на него не в силах сообразить кто же он такой.

– А ты кто такой?

– На наблюдателя ты не похож? – спросил я.

Он засмеялся.

– Когда-то ещё до войны был американцем, а сейчас даже не знаю, кто я по национальности, у них на станции нет национальностей, у наблюдателей даже нет такого понятия, что такое национальность. Только мы земляне, на нашем уровне развития ещё делимся по национальностям.

На вид ему можно было дать лет 25—27 от силы.

– А как ты сюда попал? – спросил я.

Он надолго задумался.

– Это произошло со мной ещё в 45-м году в войну, – наконец сказал он. – Я тогда летал на четырёх моторном бомбардировщике, и в апреле 1945 года мы летали бомбить Германию. Я в войну был пилотом, поэтому мне приходилось летать на разных самолётах и даже на бомбардировщиках. Так вот, – продолжил он, – отбомбившись по Берлину, мы возвращались на базу, которая находилась за Ла-Маншем. Я немного отстал от своей пятёрки, потому что в правый мотор попал осколок, поэтому мотор плохо тянул, он немного дымил, но на наше счастье ещё не горел. И я надеялся перелететь хотя бы через пролив Ла-Манш, чтобы не прыгать в воду, потому что она была ещё холодной, так как шёл только апрель. И в этот момент из тучи наш самолёт атаковали четыре немецких истребителя. Они обстреляли из пулемётов самолёт и быстро скрылись в туче. Видимо, это был их последний боезапас, поэтому они и бросили меня, т.е. не стали добивать.

Но одна из последних пуль попала мне в плечо, а вот вторая, срикошетив от обшивки самолёта, попала прямо в живот. Это как по закону подлости последние пули попали не куда-нибудь в самолёт, а в живот и правую руку. Я передал по переговорному устройству штурману и стрелку-радисту, чтобы они прыгали с парашютами, не дожидаясь меня. А сам решил остаться в самолёте, потому что у меня не было даже

сил встать с кресла. Да и с пулей в животе падая на парашюте в воду пролива, вряд ли долго протянешь в холодной воде.

Но зайдя в кабину самолёта и увидев на моём животе кровавое пятно, штурман всё понял, он даже не стал осматривать меня, потому что до войны он работал хирургом. А ещё он понял, что даже если они помогут мне выпрыгнуть вместе с ними на парашюте, то с такими ранениями, а особенно с пулей в животе, в холодной воде Ла-Манша я долго не протяну, а вместе со мной утонут и они. А ещё он понял, что если они протянут резину, решая, что со мной делать, а я в это время потеряю сознание, то самолёт свалится в штопор и они, не успев выпрыгнуть из падающего самолёта, сгорят вместе со мной. И открыв бомболюк, штурман пожал на прощание мою левую руку, и, неумело перекрестившись, шагнул в открытый бомболюк, прихватив с собой стрелка-радиста, совсем ещё мальчишку, который ни разу не прыгал с парашютом. «Вот и всё, – подумал тогда я, – даже девушку не успел завести себе перед войной, всё некогда было».

Я уже терял сознание, как вдруг с правой стороны самолёта появился огромный диск внешне похожий на перевернутое вверх дном блюдо. Нет, он даже не появился, он как бы проявился из воздуха, из какой-то странной пустоты, которая внутри огромного светящегося кольца открылась в этот момент с правой стороны самолёта. И в этот момент в корпусе диска открылась огромная дверь, состоявшая из двух половин, которые относительно друг друга медленно разъеха-

лись в разные стороны. И вместо двери в проёме появилось прозрачное вибрирующее поле, и меня вместе с самолётом затянуло через это поле в диск. Но перед тем как самолёт затянуло в диск, я обратил внимание на то, что он уменьшился в размере в несколько раз, а вместе с ним и я тоже стал ростом с пятилетнего ребёнка. Но в этот момент я уже терял сознание, поэтому подумал, что мне это только кажется, а затем и вовсе провалился в темноту. И только потом уже здесь, на станции я узнал, что они наблюдали за мной из другого параллельного пространства и времени. А ещё я узнал, что они могут любой предмет уменьшить в размерах, а затем вернуть его в прежнее состояние. Но такое изменение произойдёт с ним только с помощью другой физики. Они отслеживали весь ход войны до последнего момента, и даже на подписание капитуляции присутствовал их человек. Потом, чуть позже, я расскажу, почему они это делали, и каким был их интерес в этом деле.

– И что, такое действительно возможно? – спросил удивленно я.

– Да, Алексей, они могут сделать то, о чём мы даже представления не имеем, и в дальнейшем я расскажу тебе о том, о чём ты не знал на Земле, – сказал он. – Проснулся я совершенно здоровым и не смог сразу сообразить, то ли мне приснилось, что мой самолёт сбили немцы, а я был ранен, то ли на самом деле всё так и было. Я встал с полки и оглядел себя, рост мой был таким же, как и прежде. Я походил по комнате,

а как выйти из комнаты, не знаю, на стенах комнаты не было ни дверей, ни ручек. И вдруг в комнате раздался голос, я даже не понял сначала, откуда он шёл.

– И поэтому мне показалось, что он шёл со всех сторон, как эхо, – сказал Джек. – «Успокойтесь, сейчас к вам придут», – сказал голос. Меня как будто током ударило, и я подумал: «А не на том ли свете я нахожусь?» И в этот момент стена разъехалась на две половины, и в комнату вошел человек, но внешне он не был похож на нас. Ну, да ты сам их видел. В общем, привыкать мне к ним пришлось довольно долго.

– Ну и сколько тебе лет сейчас? – спросил я.

Я ни грамма не поверил ему в том, что он воевал в войну, уж слишком молодо он выглядел, но решил, что не стоит торопиться с выводом, ведь мы не на Земле, и что могут эти наблюдатели, я пока не знал.

– А как ты думаешь?

– Ну, на вид тебе можно дать лет 25—27, не больше, но такого не может быть, – ответил удивленно я.

– Правильно, 27 лет, а если быть ещё точнее, то 27 лет и 41 день.

– А ты что, здесь даже дни считаешь? – удивился я.

– Сейчас нет, а поначалу считал, но потом как-то привык, – сказал смущенно он.

Я удивлённо смотрел на него.

«Врет, наверное, – подумал я. – Столько здесь прожить

и несколько за это время не измениться, а главное, несколько не постареть».

– А сколько тебе было тогда, в 45-м году? – спросил я.

Он засмеялся.

– Что, не веришь, а столько же и было. Да ты не смотри на меня как на идиота. Здесь время идет не так, как у нас на Земле, и понять нам это очень сложно. Я до сих пор еще сам многого не могу понять, оно не укладывается в моей голове. И чуть позже я объясню тебе многое из того, что я сам знаю и из того, что мне разрешают знать, – сказал он.

– Даже так? – удивился я.

– Ты же сам видел, какие у них головы, а какие у нас, – добавил он, потрогав свою голову рукой. – Да и здесь есть такие уровни, куда вход мне пока запрещён, хотя я и живу здесь уже довольно долго. Мы с тобой еще не познакомились, – и он протянул мне руку. – Меня зовут Джек, – сказал он.

«Странно, какое-то собачье имя, у меня собаку так звали в Казахстане, – подумал я. – Ну да ладно, это уже его дело как себя называть».

– Алексей, – сказал я и, пожав его руку, чуть не отдернул её назад, потому что его рука была холодной как лёд.

– Странно, а почему у тебя такие холодные руки? – удивился я.

– А это потому, что у меня температура тела 35 градусов, на полтора градуса меньше, чем у тебя, и пульс 45—50 ударов в минуту.

– Странно, но почему у тебя температура тела ниже, чем у меня, и от чего это зависит? – спросил я.

– Наблюдатели сказали, что это зависит от деления клеток, – сказал Джек. – Сейчас твоя клетка делится пополам, то есть от материнской клетки отделяется дочерняя клетка, которая при делении забирает часть хромосом материнской клетки, то есть хромосомы укорачиваются. А затем уже эти половинки клеток начнут делиться еще раз пополам, укорачивая уже эти хромосомы, и так будет продолжаться до тех пор, пока хромосомы, а с ними и цепочки ДНК клеток не уменьшаться до минимума.

– Вот тогда с возрастом тело человека начинает дряхлеть, а клетки постепенно начинают отмирать, так как они уже сильно поизносились и не смогут делиться, – сказал Джек. – А вот дочерние клетки идентичны материнским клеткам, и генетический материал от материнской клетки они получают уже уменьшенный в два раза, то есть с каждым разом его становится всё меньше и меньше. И только здесь, на станции, с помощью компьютеров я узнал, что клетки делятся от 50 до 100 раз, так как срок жизни человека запрограммирован до 100 лет. А ещё я узнал, что клетки мозга тоже делятся, и даже быстрее, чем остальные клетки. Но тебе сейчас будет сложно понять, как всё это происходит, я потом объясню тебе наглядно на экране, как происходит деление клеток.

– А как делятся твои клетки? – спросил я.

– А у меня наблюдатели удалили из цепочки ДНК клет-

ки ген смерти – это такой ген, который через определённое время, а у каждого это время своё, запускает механизм старения клеток. Но мне вместо гена смерти наблюдатели вставили в генетическую цепочку ДНК клетки другой ген, который сдерживает старение клеток. В этом случае моя клетка перестаёт делиться и начинает клонировать себе подобную, но уже в зеркальном отражении клетку. Вот поэтому при клонировании клетки температура тела понижается до 35, а временами и до 33 градусов. А при делении клеток температура тела, наоборот, повышается и становится 36,6 градуса.

– А почему такая разница? – спросил я.

– Да потому что при делении клеток она затрачивает на эту работу больше энергии, поэтому температура тела повышается только при делении клеток, – сказал Джек.

– А в чем разница между делением и клонированием клеток? – спросил я.

– При делении клеток пополам, а затем и этих половинок ещё раз пополам и так далее, происходит растягивание содержимого клетки по площади новой клетки, а если выразиться ещё точнее, то клетка со временем теряет свои первоначальные свойства. Вот поэтому она не может воспроизвести саму себя на 100%. А при клонировании клетки клетка клонирует себе подобную в зеркальном отражении клетку, не нарушая строения клетки.

– Странно, тогда выходит, что твоя клетка воспроизводит

саму себя в виде фотокопии, – сказал я.

– Да ты правильно это понял, выходит, что я в тебе не ошибся. – Но чтобы это понять, нужно знать строение клетки, и в дальнейшем я покажу тебе ее строение, если нам позволит время, отведённое тебе наблюдателями, – ответил Джек.

– Ну и сколько же они мне его отвели? – спросил я.

– Пять, максимум шесть дней и ни днём больше, – сказал Джек.

– А вот за это спасибо, – сказал обрадованно я. – Я переживал за собак, поэтому я был бы рад вернуться на Землю хоть сейчас, но и 5—6 дней они тоже подождут.

«А в худшем случае половят мышей», – подумал я.

Но наблюдатели почему-то не торопились с изъятием имплантата из моей головы, и меня это сильно беспокоило. Я боялся, что они по какой-нибудь причине изменят своё решение вернуть меня в залив.

– А что происходит в дальнейшем с клетками? – спросил я только для того, чтобы отвлечься от этих мыслей.

– А в дальнейшем к концу жизни при делении количество клеток на один квадратный миллиметр тела начинает сокращаться. И в течение жизни из пяти клеток отмирает сначала одна клетка, – это тогда, когда ты ещё молодой, а затем уже из четырех клеток две клетки, но это тогда, когда ты становишься уже значительно старше. Вот поэтому человеческое лицо и тело, но в первую очередь лицо, потому что оно

больше всего подвержено солнечному облучению, постепенно начинает видоизменяться.

– И к концу жизни становится неузнаваемым от первоначального вида лица и в дополнение покрывается глубокими морщинами, – сказал Джек. Но клетки стареют и отмирают ещё и потому, что клетки печени вырабатывают вредный холестерин, который после 35 лет жизни начинает откладываться на стенках сосудов, которые питают клетки кровью. И поэтому стенки сосудов забиваются холестерином, и, проницаемость сосудов ухудшается, поэтому клеткам не хватает питательных веществ, и они начинают отмирать.

– А что происходит при клонировании клетки? – спросил я.

А при клонировании клеток, клетки лица и тела остаются прежними, то есть они само восстанавливаются, вот поэтому за 71 год я несколько внешне не изменился.

– Ну а если сказать ещё точнее, то при клонировании клетки одна и та же клетка делится пополам всего один раз и создает себе подобную в зеркальном отражении полноценную клетку, и такое будет продолжаться с ней до бесконечности, – сказал Джек.

– Странно, но насколько я знаю, такие клетки, беспорядочно делясь, создадут новообразования, то есть создадут опухоль из клеток, – сказал я.

– Нет, такого произойти с ними не может, потому что наблюдатели внедряют в цепочку ДНК клетки вместо гена

смерти другой ген, который не дает клеткам беспорядочно делиться, то есть клонироваться. Он сдерживает и даже ограничивает клонирование, и рост клеток во времени.

– Вот поэтому новая клетка клонируется одновременно с отмиранием старой клетки, – сказал Джек.

– Но это же так просто, – сказал я, – а наши учёные бьются над эликсиром бессмертия, пытаясь что-то изобрести, но всё безуспешно.

– Выходит, что они зря его ищут, и дело здесь не в эликсире, а в генах и холестерине, – сказал я.

– Да, в этом ты прав, для этого нужен ген, выполняющий такую миссию, и метод его доставки в цепочку ДНК клетки.

– И сколько лет ты можешь прожить? – спросил я.

– Я не знаю, сколько лет проживу, но наблюдатели сказали, что я проживу долго, наверное, тысячу лет, пока не надоест.

– А разве жить может надоесть? – удивился я.

– Да, Алексей, как ни странно это прозвучит, но жить может надоесть, и в дальнейшем я расскажу тебе об этом и поподробнее, если нам хватит на это времени.

– А почему моё пребывание на станции ограничено таким коротким сроком? – спросил я.

– Не знаю, возможно, что это связано с магнитным полем станции, потому что оно здесь искусственно занижено и, поэтому наблюдатели дали нам всего 5—6 дней и, за эти дни я должен тебе много чего показать и рассказать.

– Ну а мне-то такой ген, как у тебя, могут встроить, раз я здесь оказался? – спросил я.

– Наверное, нет, – сказал Джек.

– Это почему же? – удивился я.

– А потому что ты не хочешь остаться на станции и хочешь вернуться домой на Землю. – И твои эмоции по этому поводу даже зашкаливают, но наблюдатели насильно никого здесь не держат, – сказал Джек.

– А ты-то, откуда знаешь про мои эмоции? – спросил я.

– Наблюдатели прослушивают твои мысли, у тебя ещё стоит имплантат, – сказал Джек.

«Вот тебе и раз, – подумал я. – Даже думать уже нельзя ни о чём свободно, то-то я думаю, как это они меня подслушивают. А они, оказывается, прослушивают мой имплантат, а я и забыл о том, что он у меня ещё стоит.

– Да, надо быть осторожнее с такими мыслями, ещё и не выпустят меня отсюда? – подумал я, – да и, не дай бог, сотрут мне память, а это уже совсем ни куда не годится, как я буду жить без прошлого на Земле, я даже собак своих не узнаю. Фу ты черт, даже об этом думать нельзя», – подумал я.

– Да и не все так просто, как ты думаешь, – немного помолчав, сказал Джек, – это дело частично связано с магнитным полем планеты, а на Земле оно в два раза мощнее, чем здесь, на станции. И внедрить в твою клетку другой ген будет гораздо сложнее. Здесь, на станции, магнитное поле ис-

кусственное, со своей частотой и мощностью и они настраиваются по нему. А для тебя одного они исключения делать не будут, это тоже сложно.

– То-то я почти не ощущаю веса своего тела, мне кажется, что ноги сами поднимаются от пола, – сказал я.

– У наблюдателей много способов продлить свою жизнь, даже не удаляя ген смерти, но о них я расскажу тебе чуть позже, хотя, – Джек задумался, – пожалуй, об одном способе я расскажу тебе уже сейчас. Иначе многое понять тебе будет сложно. Дело в том, что наша планета излучает два поля, первое поле – это низкочастотное электромагнитное поле, которое образуется в земной коре за счет вращения коры планеты вокруг внешнего ядра планеты.

– Это похоже на ротор и статор, – сказал я.

– Да, ты прав, небольшое сходство в этом есть, – сказал Джек. – А второе поле – это сверхвысокочастотное гравитационное поле, это вы его так называете сейчас – гравитационным полем, но вы только предполагаете, что оно есть.

– Но так как у вас нет приборов, которые могли бы его обнаружить и измерить, то вы можете только предполагать, что такое поле у планеты есть, – сказал Джек.

– А оно есть? – спросил я.

– Да, Алексей, оно есть. И такое сверхвысокочастотное поле излучается не только центральным, но и внешним ядром планеты, и оно похоже на поле нашего подсознания, но главное, оно является одновременно и материей, и энер-

гией, так как такое поле состоит из мельчайших разно полюсных частиц гравитонов. Так вот, наш диск, то есть наша станция, излучает точно такое же поле. Но поле излучаемое станцией будет уже анти гравитационным полем, то есть полем, имеющим противоположный знак полярности. Но наблюдатели могут управлять таким полем, то есть могут менять, не только его мощность и полярность, но и частоту и за счет гравитации могут передвигаться в пространстве с огромной скоростью и маневренностью. И такие поля называются полями разно частотного и разнонаправленного действия, или анти гравитационными полями. Такое анти поле может раздвигать не только молекулы и атомы, но и сверхвысоко частотные разнонаправленные поля, состоящие из мельчайших разно полюсных частиц. Но наша станция находится в центре этого анти поля, так как это поле излучается из одной точки излучения и только в одном направлении. Такие необычные для нас волны похожи на волны от брошенного в воду камня, которые расходятся только в одном направлении. То есть сама тарелка находится внутри абсолютной пустоты, в которой не существует даже времени.

– Но так как сама станция автономна от солнечной системы, то она может перемещаться во времени из настоящего в прошлое, а из прошлого в будущее, минуя настоящее время, – сказал Джек.

– Но насколько я понимаю, экипаж станции должен подвергаться облучению сверхвысоко частотным полем стан-

ции, – сказал я.

– Нет, Алексей – это исключено, потому что на станции работают другие физические законы, о которых мы абсолютно ничего не знаем. И такое необычное для нас поле излучается только в одном направлении, то есть излучается из одной точки, но в одном направлении, так же, как расходятся круги от брошенного в воду камня. А они, как ты знаешь, расходятся только в одном направлении, то есть из одной точки наружу круга. Позже я расскажу тебе об этом по-подробнее.

– Но в таком безвременном пространстве тарелка может находиться вечно, и люди, находясь в ней, не будут стареть, – сказал Джек.

– Но зачем тогда удалять ген смерти и ставить в клетку другой ген, если в тарелке можно жить вечно молодым? – спросил я.

– В тарелке – да, но стоит ее покинуть, выйдя из нее на планету, как ты мгновенно наверстаешь свой возраст и постареешь. И даже вернувшись назад в тарелку, ты останешься таким, каким стал, и так будет повторяться при каждом выходе из тарелки.

– Вот поэтому наблюдатели удаляют из клетки ген смерти и ставят туда другой антиген, – ответил Джек.

– Это похоже на летаргический сон, когда человек проснётся от сна, то он тоже навёрстывает свой возраст, – сказал я.

– Да, в какой-то степени сходство в этом есть, – сказал Джек.

– Но почему наблюдатели удаляют свой ген смерти тоже? – спросил я.

Потому что они такие же люди, как и мы, но только умнее нас в десятки раз и обладают другими способностями, чем мы. Но об этом я расскажу тебе позже. Все процессы, которые происходят в клетке человека, напрямую связаны с частотой и мощностью магнитного поля планеты, на которой ты родился, и даже магнитные бури, периодически повторяющиеся на Солнце, влияют на работу наших клеток. И если частота и мощность магнитного поля возрастают даже незначительно, то процесс деления клеток ускоряется.

– Но происходит и обратное, когда частота и мощность магнитного поля планеты уменьшаются, и тоже незначительно, то деление клеток замедляется, – сказал Джек.

– А если частота и мощность магнитного поля планеты начнут уменьшаться, то в этом случае продолжительность жизни людей на планете возрастёт? – спросил я.

– Да, в этом ты прав, и продолжительность жизни людей на планете уже 20 лет как растёт, а магнитное поле и его частота уже 20 лет как падает. Так же, как все это время уменьшается активность Солнца.

– Я думаю, что ты заметил по старым фотографиям, что люди одного и того же возраста раньше выглядели намного старше, чем люди того же возраста выглядят сейчас, – сказал

Джек.

– Да я обращал на это внимание, но я думал, что это зависело от качества старинных фотографий.

– Нет, Алексей, в этом ты ошибаешься, – это зависело от частоты и мощности магнитного поля планеты, частота которого в то время была выше, а магнитное поле мощнее. Вот поэтому люди в то время были намного агрессивнее и воинственнее чем сейчас. Я просматривал компьютерные записи, и на них было видно, что периодами люди старели быстрее, но иногда они жили и дольше обычного времени.

– Так вот от чего зависит продолжительность жизни людей, – сказал я.

– Да, ты правильно понял, но в этом есть один недостаток, люди в это время становятся ко всему равнодушными, то есть становятся людьми зомби и сами думать ни о чём не хотят, в этом случае они легко управляемы со стороны, – сказал Джек.

– А почему меняются частота и мощность магнитного поля планеты? – спросил я.

– Потому что с каждым оборотом по диску орбиты вокруг Солнца планета приближается либо к внутреннему, либо к наружному краю диска орбиты звезды, где напряжённость гравитационного поля диска орбиты звезды постепенно возрастает. Но перед самым краем диска орбиты звезды частота и мощность магнитного поля планеты заметно падает. Но резкое падение частоты и мощности магнитного по-

ля планеты произойдёт только с 2002 года, поэтому планета начнёт замедлять вращение вокруг своей оси и обращение планеты по диску орбиты вокруг звезды.

– И падение не только частоты, но и мощности магнитного поля будет настолько незначительным, что в ближайшее время на себе вы этого не почувствуете, – сказал Джек.

Но это же хорошо, что продолжительность жизни людей возрастет.

– Я думаю, ты помнишь, что раньше, то есть ещё век назад, люди жили только до 30—40 лет, – сказал я.

Да, ты прав, периодически частота и мощность магнитного поля планеты либо незначительно возрастает, либо также незначительно падает, но для этого есть несколько причин, о которых я расскажу тебе чуть позже. Вот поэтому люди живут либо дольше обычного, либо доживают только до 40—50 лет и быстро физически стареют. Но наш организм устроен так, что может подстраиваться под небольшие изменения частоты и мощности магнитного поля не только самой планеты, но и звезды, и легче переносит такие незначительные изменения. Но не все люди, живущие на планете способны быстро перестраиваться на частотные изменения. А для электроники, – это уже плохо, она привязана к магнитному полю планеты, и, не исключено, что в будущем ваша электроника будет делать много непоправимых ошибок. Потому что она сама не сможет подстраиваться под изменения частоты и мощности магнитного поля планеты. Но особенно под рез-

кие изменения магнитных и гравитационных полей, которые происходят во время сильных магнитных бурь на Солнце. А это для вас уже совсем плохо.

– Но только ваша электроника неспособна перенастраиваться под частоту и мощность звезды, а электроника наблюдателей корректирует сама себя, – сказал Джек.

– А почему для человека-то пока что хорошо? – спросил я.

– Да потому что такие процессы цикличны, и когда-то в будущем этот цикл закончится, но к концу такого цикла частота и мощность магнитного поля планеты начнут постепенно возрастать, – ответил Джек.

– Но что такое время и как оно идёт? – спросил я.

– Это сложный вопрос, я ещё сам многое в этом вопросе не понимаю, но я постараюсь ответить тебе и на этот вопрос, но как смогу, – немного подумав, сказал Джек. – А начну я с того, что время не линейно и не бесконечно, как принято считать у нас на Земле. И оно закручивается по диску орбиты вокруг звезды в спираль, но у каждой планеты своя временная спираль.

– Выходит, что у времени есть своё начало и свой конец? – спросил я.

Да ты правильно это заметил, у каждой звёздной системы есть не только временное начало, но и свой временной конец. Но начинается оно только тогда, когда рождается солнечная система как единое целое. А заканчивается временной конец только тогда, когда солнечная система, отжив свой

срок, заканчивает своё существование нейтронной звездой. Но на Земле и других планетах нашей солнечной системы время привязано к вращению планет вокруг оси и обращению вокруг Солнца в особом сверхвысокочастотном гравитационном поле диска орбиты звезды. И такое поле обращается вокруг звезды с такой же скоростью, с какой скоростью вращается внешнее ядро звезды. Причём каждое внешнее ядро звезды вращается вокруг своей оси с разной скоростью относительно друг друга, а иначе все планеты солнечной системы будут всегда находиться на одной линии, как при параде планет. И синхронным вращением планет вокруг своей оси в этом же поле и обращением планет по дискам орбит вокруг звезды с той же скоростью, с какой скоростью вращается сам диск орбиты звезды. И наконец, вращением солнечной системы как единого целого вокруг своей оси, но уже относительно пространства. Это особое сверхвысокочастотное поле и вращение планет вокруг своей оси, а также обращение планет вокруг звезды и создают время.

– Причём каждая из планет вращается и обращается в своём отрезке времени, – сказал Джек.

– Нам это сложно понять, я сам до сих пор ещё многое не понимаю, но выглядит это так, – добавил Джек. – И если внезапно по какой-то причине весь этот механизм остановится, то есть остановиться вращение планет вокруг своей оси и обращение планет вокруг звезды, то остановится и время. Его просто не будет существовать в принципе,

так же, как его не существует в межзвёздном пространстве, а вся жизнь на планете в это время замрёт. Это очень трудно нам понять, потому что нашему сознанию не приходилось сталкиваться с подобной информацией. А я убедился в этом только тогда, когда улетал с наблюдателями за пределы нашей солнечной системы. И только там, в межзвёздном пространстве, где нет, и никогда не было времени, можно понять, что такое время.

– Выходит, что время течёт только в пределах солнечной системы, то есть. в планетарной системе звезды, а за её пределами его нет вообще? – спросил я.

– Да, ты правильно это понял, но об этом я расскажу тебе чуть позже, – сказал Джек, – а иначе ты многое не поймёшь. Наша клетка привязана к частоте и мощности магнитного поля той планеты, на которой ты родился, и если частота и мощность магнитного поля даже незначительно меняются в любую из сторон, то изменение частоты и мощности плохо сказывается на самочувствии человека. Вот поэтому на кораблях-станциях низкочастотное магнитное поле искусственное, с регулируемой частотой и мощностью, и в межзвёздном пространстве они не могут без него обходиться.

– А почему? – спросил я.

Да потому что в межзвёздном пространстве нет вообще никаких полей, за исключением тех полей, которые сходятся в одну точку, но это уже антипод разно частотным полям,

исходящим из одной точки пространства. Но о них я расскажу тебе тоже чуть позже и покажу наглядно на экране компьютера, а иначе ты не поймёшь, что они из себя представляют. Но у наблюдателей есть несколько способов перелётов между планетами, но и о них я расскажу тебе тоже чуть позже. Здесь ты увидишь много того, чего нет, и никогда не будет на Земле. Поэтому ты ничему не удивляйся, а я буду постепенно подводить тебя к этому, а иначе, – и он pokrутил пальцем у виска, – может поехать крыша, со мной такое чуть не произошло. Ты-то попал сюда в 80-е годы, когда прогресс на Земле уже немного продвинулся вперёд, да ты и сам неплохо разбираешься в радиотехнике. А я попал сюда случайно в 45-м году, когда радиоэлектроника только начинала развиваться, да и то только с помощью наблюдателей.

Джек надолго замолчал, видимо, он вспомнил что-то из своего прошлого, а я терпеливо ждал, что же он ещё скажет мне. Но затем он продолжил:

– Сейчас мы находимся за поясом астероидов, на границе между концом солнечной системы и межзвездным пространством, и обращаемся синхронно с солнечной системой по отношению к пространству.

– Так вот, если здесь, то есть на станции, проходит один земной день, то на Земле за это время проходит один земной год, таков закон пространства и времени, – сказал Джек.

– Странно, но почему такая разница во времени между станцией и Землёй? – спросил я.

– Да потому что диск орбиты, по которому обращается планета Земля в 365 раз меньше орбиты космической станции, поэтому планета делает за это время 365 оборотов вокруг звезды, но сама станция делает за это время всего один оборот вокруг солнечной системы. Но учти, у самой станции нет диска орбиты, поэтому она обращается вокруг солнечной системы по другим, неизвестным нам физическим законам мироздания. Но иногда она удаляется от пояса астероидов в межзвёздное пространство на значительное расстояние, то есть туда, где времени нет вообще. Поэтому в это время разница во времени между планетой и станцией значительно возрастает. Но диск орбиты нашей планеты, а соответственно, и сама планета, обращается вокруг звезды в 365 раз быстрее, чем станция обращается вокруг солнечной системы. Поэтому планета по отношению к станции находится в будущем времени в 365 раз дальше по отношению к межпланетной станции. Сейчас мы пришвартованы к станции, которая обращается вокруг центра масс Солнечной системы и находится здесь со дня образования благоприятных климатических условий для жизни на Земле. Это промежуточная станция, она небольшая, – всего 100 километров в диаметре. Но есть и главная станция, которая 600 километров в диаметре, и они периодически сближаются друг с другом для обмена информацией и людьми, которых нужно расселить по планетам, соответствующим их уровню развития, а затем вновь надолго расходятся.

– Завтра мы перейдём на промежуточную станцию, и я покажу тебе все, что разрешат показать тебе наблюдатели, – сказал Джек.

– И сколько таких станций в нашей галактике? – спросил я.

– Таких станций в галактике много, и все они находятся в спиральных галактических ветвях галактики, – добавил Джек.

– Но когда наблюдатели забирали меня с Земли на свой диск, я увидел, как из днища диска выдвинулась телескопическая труба и, растопив лед, опустилась в залив.

– Они что, набирали воду на станцию? – спросил я.

– Да, это так, – сказал Джек, – периодически с таких планет, как наша Земля, сюда завозится вода и плодородная почва, я позже покажу тебе, для чего это нужно.

– Но я не вижу здесь больших ёмкостей под воду, – сказал я.

Джек улыбнулся.

– А они и не нужны, – большие ёмкости, потому что наблюдатели используют другие, незнакомые и непонятные нам физические законы. Они могут тысячу тонн воды поместить в ёмкость размером в один кубический метр. Так же, как они уменьшили мой самолёт и меня вместе с ним. Нам это понять трудно, да практически и невозможно, но это так. Я тоже не мог в это поверить, когда попал на станцию, но и ты тоже увидишь здесь много такого, во что тебе трудно будет

поверить, и чего ты ещё долго не увидишь на Земле.

– И сколько я пробыл у вас на станции, я уже потерял счет времени, как будто оно стоит на одном месте, во всяком случае, мне так кажется.

– А возможно, мне так кажется, потому что я всё это время нахожусь в замкнутом пространстве? – спросил я.

– Нет, Алексей, тебе так не кажется, это так и есть, потому что время здесь идёт в 365 раз медленнее, чем на Земле.

И он, отвернув рукав рубашки, посмотрел на свои часы. На его руке я увидел часы, похожие на наши электронные часы, но только немного больше их по размеру.

– Эти необычные часы наблюдатели сделали специально для меня, чтобы я мог ориентироваться во времени, так как они показывают, какой сейчас день, месяц и год на Земле и многое другое, но уже в режиме реального земного времени, – сказал Джек.

– И сколько прошло времени, пока я находился у вас на станции? – спросил я.

– На станции за это время прошли земные сутки, – сказал Джек.

– А сколько прошло времени на Земле? – спросил я.

– А вот на Земле за это время прошёл один земной год, – ответил Джек.

– Да не может такого быть! – воскликнул я.

– Может, я тебе уже говорил, как здесь идет время по отношению к земному времени. У меня у самого долго не укла-

дывалось в голове, почему здесь так медленно идёт время.

– Ты сказал, что в межзвездном пространстве времени нет вообще? – спросил я.

– Да, так, как мы понимаем его на Земле, нет.

– Это сложно нам осознать, но это так, – сказал Джек.

Но на соседних с нами звездах время по отношению к нашей звездной системе идет по-разному, на одних оно идёт медленнее нашего, на других быстрее, а на третьих вообще в другую сторону.

– И как это понять? – удивился я.

– Ну, быстрее и медленнее я ещё могу понять, но как оно может идти в другую сторону, этого я не могу понять, – сказал я.

– А я сам еще до конца многое не понимаю, но попробую кое-что тебе объяснить.

– Дело в том, что радиосвязь, которой мы пользуемся сейчас на Земле и, которая распространяется в межзвёздном пространстве со скоростью света, осуществить между звездными системами нельзя, – сказал Джек.

– Это почему? – удивился я.

А потому что они находятся по отношению друг к другу в разном времени: – Но в разном времени – это совсем не так, как мы его понимаем на Земле, – это другое временное поле.

– Я чуть позже объясню тебе, что значит – находиться в разном временном поле относительно друг друга, – сказал Джек.

– Но тогда выходит, что наши попытки связаться с другими мирами, нашими средствами связи бессмысленны? – спросил я.

– Да, с помощью нашей радиосвязи абсолютно бессмысленны, – сказал Джек.

– Странно, но мы-то эти звезды видим, – сказал я.

– Да, Алексей, в этом ты тоже прав, но мы видим только свет далёких звезд. Но это излучение произошло десятки тысяч, а то и миллионы световых лет ещё до нас. На тоже время эти звездные системы разнесены и во времени относительно друг друга.

– И ты бывал на таких планетах? – спросил я.

– Да, на двух десятках из них я уже побывал.

– Дело в том, что все обитаемые планеты нашей галактики, а их сотни миллионов, расположены по краю галактики в спиральных галактических ветвях галактики, и жители этих планет так же, как мы, находятся на нулевом уровне развития сознания, – сказал Джек.

– А мы что, тоже находимся на их уровне? – спросил я. – Это что же получается? Что мы находимся как бы в инкубаторе, в котором нас разводят, а затем расселяют по другим планетам нашего уровня развития?

– Да, примерно так, – сказал Джек. – Население таких планет с помощью наблюдателей расселяется с планеты на планету, а люди на них подбираются примерно одного уровня развития.

– Следовательно, люди, которые бесследно исчезают с нашей планеты, похищаются наблюдателями? – спросил я.

– Нет, не все, конечно, но какая-то часть из них переселяется на другие планеты, – сказал Джек.

– И много землян на таких планетах? – спросил я.

– Да, много, иногда на другие планеты переселяются целые племена, если они отстают или опережают время по развитию сознания. Их стараются поместить где-нибудь в глуши планет. Но сейчас сделать это на Земле довольно трудно. Такие безлюдные места остались только на Амазонке, да ещё в северных районах планеты, там, где жизнь невозможна из-за лютых холодов. Поэтому с Земли люди в основном незаметно похищаются и небольшими группами переселяются на другие планеты, схожие по уровню развития с нашей планетой. Но за последние 50 лет XX столетия расселение людей с нашей планеты на другие планеты нашего уровня развития временно приостановилось по многим причинам, о которых я расскажу тебе чуть позже. Вот поэтому на нашей планете возросло количество людей с низким уровнем сознания, которые будут всячески мешать развитию прогресса на Земле, занимая высокие места в государственных аппаратах.

– Но такое замещение будет происходить только в развитых странах мира.

– И люди с низким уровнем интеллекта, заняв высокие государственные посты, будут пристраивать таких же людей

во все сферы деятельности государств, – сказал Джек.

– Выходит, что только поэтому численность населения на нашей планете за последнее время так сильно выросла? – спросил я.

– Да, и поэтому тоже, – сказал Джек.

– Значит, там где-то есть и русские? – спросил я.

– Да, в этом ты тоже прав, на многих планетах нашего уровня развития живут и русские и американцы, и даже китайцы, которых там тоже много.

– Да их везде много, – сказал я, – а ты сам-то встречал там американцев?

– Да, встречал, и неоднократно. Но о своей прошлой жизни на Земле они не помнят и даже не знают, что такая планета где-то есть. Я много раз пытался поговорить с некоторыми из них на эту тему, но они ничего не помнят о своём прошлом. Наблюдатели оставляют в их подсознании только знание их родного языка и умение выживать в экстремальных условиях, а всё остальное за ненужностью стирается, вернее, на время закрывается в подсознании.

– Эти люди должны начинать свою жизнь с чистого листа, поэтому они ничего не должны знать о своей прошлой жизни, – сказал Джек.

– Видимо, поэтому на нашей планете так много языков? – спросил я.

– Да, в этом ты тоже прав, на Земле живет много переселенцев с других планет, говорящих на разных языках мира,

но ни они, ни их предки, а тем более их потомки, не помнят абсолютно ничего о себе.

– Правда, летоисчисление каждый народ ведёт свое, т.е. со дня прибытия их на нашу планету, – сказал Джек.

– А для чего это делается, ведь им-то без разницы, когда и как они попали на эту планету? – спросил я.

– Да в этом ты прав, им это без разницы. Но летоисчисление со дня прибытия их на нашу планету ведут наблюдатели, для них это важно, так как генетическая цепочка ДНК клетки у всех переселенцев заполнена по-разному.

– То есть у одних людей она заполнена больше, а у тех людей, которые прибыли на планету чуть позже, у них цепочка ДНК клетки заполнена гораздо меньше, – сказал Джек.

– А я думал, что каждый народ планеты сам придумал себе свой язык, – сказал я.

– Нет, в этом ты ошибался, новый язык даже на уровне бытового языка люди Земли придумать сами не могли, любой язык уже заложен в подсознание человека как программа со всеми правилами грамматики, но мы не знаем об этом.

– Мы даже не знаем, кто одним из первых начал говорить на этих языках, потому что они приходят к нам на подсознательном уровне, и мы только повторяем за кем-то уже готовый язык, так же, как это делают попугаи, – сказал Джек.

– Странно, но мы же учим чужие языки, – сказал я.

– Да это так, но мы учим уже готовые языки, а не придумываем новые, новый язык придумать невозможно, он даёт-

ся нам уже в готовом виде и со всеми правилами грамматики.

– И на Землю такие языки попадают уже в готовом виде с людьми, которых подселяют наблюдатели, – сказал Джек.

– Это что же получается, что теория Дарвина была неверна? – спросил я.

– Да, Алексей, в этом ты тоже прав, эту теорию ему подсказали наблюдатели, когда его, так же, как и тебя, наблюдатели забрали с нашей планеты на станцию. А иначе в то время никакая другая теория существовать не могла, ее бы просто не поняли и не приняли. Сам Дарвин дойти до такой теории в то время не мог, его к ней подтолкнули наблюдатели. Теория Дарвина была самая доступная для того уровня интеллекта, но сейчас она уже у многих под сомнением, но и многие люди планеты ещё искренне верят в неё. Хотя сейчас-то можно было уже понять, что промежуточного звена ни у людей, ни у животных еще никто не нашел и не доказал, что человек произошёл от обезьяны путём эволюции, и никогда не найдет, уж я-то это точно знаю.

– Без вмешательства наблюдателей в речевой аппарат обезьяны, она не смогла бы стать человеком, я думаю, что ты сам в этом убедился, – сказал Джек.

– Да в этом ты прав, ещё ни одна обезьяна на Земле не заговорила, хотя они живут рядом с людьми уже много тысячелетий и могли бы научиться говорить хотя бы на уровне попугая, – сказал я.

– Выходит, что и человек, и животные появились на Земле внезапно? – спросил я.

– Ну, не совсем внезапно.

– И животные, и растения произошли из одного вида клеток, но впоследствии генетически видоизмененной наблюдателями, – сказал Джек.

– И кто же воспроизвел эту клетку в первоначальном виде? Бог? – спросил я.

– Ну, называют его везде по-разному, для землян это Бог, хотя сами они его никогда не видели. А для наблюдателей это Высший Вселенский разум. А вот наблюдатели видели его. И он не в единственном числе, как принято считать у нас на Земле, у него много помощников.

– В Библии прямо сказано, что Бог не был один, но текст Библии дошёл до нас в сильно искажённом виде, потому что он многократно переписывался и, причём каждый из правителей переписывал её с выгодой для себя, – сказал Джек.

– А кто написал самый первый экземпляр Библии, то есть её подлинник? – спросил я.

– А как ты думаешь? – спросил Джек.

– Я думаю, что это сделали наблюдатели, – сказал я.

Да, ты правильно подумал, подлинник Библии появился на нашей планете более 3000 лет назад, ещё до рождения Иисуса Христа. Ещё тогда, когда на Земле не было даже письменности, но которая появилась не без помощи наблюдателей сразу же после появления Библии. Вот та Библия

была в то время в подлиннике, и если у нас останется время, я покажу тебе её в любом виде. На станции есть подлинник Библии и в бумажном, и в электронном варианте.

– Выходит, что текст Библии искажался ещё и умышленно? – спросил я.

– Да, это так, но на это есть много причин, о которых я расскажу тебе чуть позже, – сказал Джек.

– Ты сказал, что у Бога есть помощники, но кто они? – спросил я.

– Это последний уровень развития сознания. Но они находятся ближе к центру галактик, и они уже нематериальны. Но эти энергетические фантомы могут из атомов и молекул материализовать все что угодно, даже клетку. Объединяясь в коллективный разум, они управляют всеми процессами в галактиках. Но там, где они находятся, существуют другие физические законы, которые абсолютно недоступны и непонятны нам. А на Земле работают только те законы, которые доступны и понятны тому уровню сознания, который в это время живет на планете.

– Единственно, что доступно и едино для всех цивилизаций Вселенной, так это цифры и действия, произведённые с ними, – сказал Джек.

– Странно, – сказал я, – нас разделяют такие большие расстояния, а цифры и действия, произведённые с ними, везде одинаковые.

– Да, эти действия во всей Вселенной одинаковые, пото-

му что фигуры во всех уголках нашей Вселенной тоже одинаковые, и если эти фигуры изобразить по-другому, то с ними нельзя будет произвести ни одного действия. Квадрат, – он во всех галактиках квадратный и во всех уголках нашей Вселенной его стороны равны, а круг имеет форму шара, потому что форму шара имеют не только планеты, но и звезды. Вселенная сама подсказала нам решение этих задач. Я убедился в этом только после того, когда побывал на других планетах нашего уровня развития, на которых не только цифры, но и действия, произведённые с ними, везде одинаковые. Ведь по земной профессии я ещё и физик. Но тебе будет сложно разобраться в этом, поэтому я буду подводить тебя к этому постепенно. – Я сам ещё многое не понимаю, и не во все лаборатории меня допускают наблюдатели.

– Хотя я живу здесь уже довольно долго, гораздо дольше тех людей, которые жили на станции до меня, – сказал Джек.

– Выходит, что вторая теория о сотворении мира более правдоподобна, – сказал я.

– Это не совсем так, как ее трактуют люди Земли, но она не только правдоподобна, но и реальна, и я тебе о ней не только расскажу, но ещё и покажу.

– Но покажу я тебе то, что ты при жизни в материальном теле никогда больше не увидишь, – сказал Джек.

– Вот даже как? – удивился я.

– Да, только всему свое время, – сказал Джек, и он устало откинулся на стену, посмотрев при этом на свои часы.

– А не пора ли нам пообедать? – сказал Джек.

И только сейчас, я обратил внимание на то, что я почти сутки ничего не ел и не пил, а главное, не очень-то и хотелось.

Я спросил Джека, почему я в течение суток ни разу не подумал о еде. Джек ответил, что на станции идет замедленный процесс деления клеток тела человека. А происходит это за счет низкой частоты и слабого магнитного поля станции, и не есть здесь можно по несколько дней.

– Но есть нужно хотя бы немного, особенно тебе, потому что твой желудок приучен к ежедневному приёму пищи, вот поэтому он должен всё равно работать.

Мы прошли по коридору метров 20 и свернули в левую комнату, раздвижная дверь в которую была открыта. В комнате стояло несколько квадратных столов. И у каждого стола стояло по два стула, я показал Джеку на стол и стулья.

– Странно, но они такие же, как наши стулья? – удивился я.

Джек улыбнулся.

– А ты что, хотел увидеть их здесь другими? Это у нас и столы, и стулья такие же, как у них, а те люди, кто побывал на станции до меня, позаимствовали их размеры и форму у наблюдателей. А до того, как они их здесь увидели, эти люди сидели на чурках, я видел это на компьютерных записях, которые были засняты с помощью имплантатов ещё тысячи лет назад. И к тому же они тоже квадратные, только их здесь

не делают, как у нас на мебельной фабрике, а печатают.

– Как это печатают? – удивился я.

– А очень просто: у клонов есть такие машины, которые печатают не только столы и стулья, но даже человеческие органы.

Я не поверил его словам. Но Джек пообещал в дальнейшем показать мне, как это делается. Но нам нужно было ещё успеть уложиться во время, которое предоставили нам наблюдатели. И в этот момент я осмотрелся, покрутив головой во все стороны, но в комнате, кроме нас, никого не было. Джек подошел к противоположной стене и на что-то нажал, из стены выдвинулись два цветных разноса с едой. На разносах стояли тарелки и по два стеклянных стакана с напитками. Мы поставили разносы на стол и сели.

– А что, здесь обеды тоже комплексные? – спросил я.

В то время на Земле практиковались комплексные обеды.

– Да нет, их нужно заранее заказывать, а кто не заказал, тому достаются такие. Пища здесь вся искусственная, но на вкус и по качеству её невозможно отличить от настоящей пищи.

Мы быстро пообедали и встали из-за стола.

– Нам сегодня предстоит небольшая работа, – сказал Джек.

– А что нужно делать? – спросил я.

– Мы будем разгружать грузовой отсек нашей тарелки.

Мы прошли по длинному коридору метров 20 и вошли

в лифт, лифт поднялся в кабину управления корабля, в которой за пультом управления сидело три человека, которые молча кивком головы, поздоровались с нами.

– Странно, – сказал я, – они поздоровались с нами так же, как здороваемся мы на Земле.

Джек улыбнулся.

– Я сначала тоже так подумал, но потом узнал от наблюдателей, что это земляне переняли такой жест у наблюдателей ещё в древние времена, когда их привозили с Земли на станцию для того, чтобы обучить их наукам.

Глава 4

И в этот момент диск отлетел от станции на большое расстояние, и перед нами открылся вид на станцию со стороны космоса. Форма станции была такой же, как наш диск, но только станция была огромных размеров, и её окружало огромное защитное поле, которое светилось всеми цветами радуги. И было похоже на огромный мыльный пузырь, внутри которого находился диск. И в этот момент в боку диска открылась огромная ниша, а поле закрывавшее вход в нишу исчезло, и наш диск медленно направился к нише. Мы медленно влетели вовнутрь станции, и ниша за нами закрылась. Прошло немного времени, и Джек позвал меня на выход. На лифте мы спустились в ангар. Ангар напоминал большой аэродром, на днище которого стояло больше сотни дисков: от-двухметровых до 50-метровых.

Джек сказал, что те диски, которые больше нашего в диаметре, садятся на крышу станции. И он провёл меня в конец ангара, в конце которого стоял четырёх моторный бомбардировщик, размах крыльев которого был не более 10 метров.

– А это мой самолёт, – сказал Джек и погладил крыло самолёта рукой.

– Странно, а почему он такой маленький? – спросил я. Да потому что наблюдатели уменьшили его в размерах, для того что бы он поместился в конце ангара и не мешал остальным

тарелкам своими большими крыльями. Наблюдатели сказали, что его размер уменьшился в несколько раз, но масса осталась прежней.

Мы прошли к грузовому отсеку, из которого наблюдатели выкатывали клетки с животными. Нам достались два льва, лев и львица, они мирно спали, как будто им дали снотворного. Мы манипулятором погрузили их клетку на площадку, похожую на нашу электрокару, и, она сама бесшумно тронулась вглубь станции. Но проехав метров 500 вглубь станции, мы уперлись в большие ворота, две половины которых медленно разъехались в разные стороны. И мы въехали в огромный зал, середина которого была пуста, за исключением манекенов мужчины и женщины в натуральную величину, но так изящно сделанных, что их невозможно было отличить от настоящих живых людей. Мы проехали в дальний конец зала и точно таким же манипулятором сгрузили клетку с львами в вольер. Но львы даже не пошевелились, видимо, они ещё крепко спали. Немного постояв, разглядывая зал, мы направились вдоль клеток, стоявших вдоль стены зала. Какого зверья тут только не было и многих из них, я никогда не видел на Земле.

– Часть из этих животных была завезена сюда с других планет, а часть генетически видоизменена, но в пределах своего энергетического скелета.

– Я позже расскажу и даже покажу, как они это делают, – сказал Джек.

Мы подошли к манекенам мужчины и женщины.

– Обрати внимание на то, где на теле человека растут волосы, – сказал Джек.

– Ну, на голове, – сказал я.

– А ещё у мужчины растут борода и усы, – сказал Джек.

– Ну и ниже пояса, конечно, – добавил я.

– Но ведь у женщины не растут борода и усы, – сказал Джек. – А для эволюции, по теории Дарвина, нет никакой разницы, будут у женщины расти борода и усы или их не будет совсем. Или вот возьмем львов, львица совершенно голая, потому что львицы занимаются охотой, и волосяной покров будет ей только мешать во время охоты. Но лев, самец с такой огромной шевелюрой, предназначен для того, чтобы защищать свой прайд и чем больше у него загривок, тем больше страху он наводит на соперника. Но эволюция не могла сделать такие различия, не имея на это умысла, ведь ей без разницы, есть у льва шевелюра или она ему и вовсе не нужна. Но здесь есть прямой умысел, так как шевелюра даёт понять сопернику и всем окружающим его зверям, что это лев, самец, и что от него нужно держаться подальше, а самцам соперникам в первую очередь. Хотя львица для них намного опасней, особенно тогда когда у неё есть щенки. Или возьмем вот эту бабочку, – и Джек показал рукой на бабочку, сидящую на сетке рядом с нами. Я посмотрел на бабочку и обратил внимание на то, что с тыльной стороны её крыльев были изображены огромные пугающие глаза.

– Но она даже не подозревает, что они у нее есть, – сказал Джек. – А кто-то боится огромных пугающих глаз. А рядом с бабочкой находились зверьки внешне похожие на хамелеонов, которые при нашем появлении начали менять свою окраску.

– Или вот возьмём этих зверьков, – продолжил Джек, ты думаешь, они видят свой камуфляж, да они даже не догадываются, что он у них есть. Это наблюдатели сделали их такими. Или возьмём панду, – раньше это был обычный таёжный плотоядный медведь, но наблюдатели, частично изменив его геном, сделали его травоядным животным.

– Но зачем? – удивился я. А затем что бы он поедал молодой бамбук, так как кроме него есть его больше никому. А растёт он очень быстро и своим бурным ростом уничтожает остальную растительность.

Мы прошли по залу дальше и упёрлись в большой аквариум, в котором плавали всевозможные рыбки и морские звёзды. Особенно мне бросились в глаза морские звёзды, они были всех цветов и оттенков. Но главное, на звёздах были изображены всевозможные геометрические фигуры, от звёзд, до равнобедренных треугольников. А на одной из морских звёзд я увидел то, чего совсем не ожидал увидеть. Я увидел на ней круг, внутри которого находился квадрат, а в квадрате находился равнобедренный треугольник.

– Да, природа такого не сотворит, – сказал я. – Вот здесь-то уж точно заложен прямой умысел, для того чтобы дать

понять людям, что природа такое сотворить не могла.

– Да, Алексей, в этом ты прав, такое мог сотворить только творец, и неважно в каком он был обличье, – сказал Джек. – В следующий раз я покажу тебе, где и как наблюдатели это делают.

И мы прошли в следующий зал, в котором, вдоль стены зала стояло много людей, но головы у них были звериные, и наоборот, звериные тела с человеческими головами.

– А это что за зверинец? – спросил удивлённо я.

– Несколько тысяч лет назад ученые с планеты Набу – это двойник нашей планеты – проводили на Земле эксперименты по генетическому изменению человека и животных, но в результате эксперимента получились уродливые звероподобные люди и, наоборот, звери с человеческими головами.

– А почему? – спросил я. Да потому что как у животного, так и у человека свой энергетический скелет, на котором строится его материальное тело. Я чуть позже расскажу и даже покажу тебе, что это такое. Вот поэтому наблюдателям пришлось уничтожить их.

– А эти единичные экземпляры остались для музея станции, – сказал Джек.

Мы прошли в следующий зал, вдоль стен которого, находились ячейки, похожие на пчелиные соты, в которых лежали люди, но они видимо спали, и их было очень много.

– Сколько же их здесь лежит? – спросил я. – И что за люди лежат в этих ячейках?

– Здесь их тысяч пять, не меньше, – сказал Джек. – Это женщины из Индии, а там, куда они полетят, такой же тропический климат, и на той планете не хватает женщин, а в Индии большое перенаселение и именно женщин.

Мы зашли в следующую лабораторию, в которой наблюдатель в белом халате запустил руку в живот человеку, лежавшему на столе, который был похож на наш операционный стол, но крови на теле этого человека я не увидел.

– Странно, но как он делает операцию, что на теле человека не видно крови? – спросил удивлённо я.

– Это бескровная операция, – сказал Джек, – своим сознанием он дематериализует руку по локоть и запускает дематериализованную руку в живот этого человека. И рука проходит через его брюшную стенку как через воздух. Но внутри живота он дотрагивается кончиками пальцев своей дематериализованной руки до нужного ему органа и в этот момент этот орган на время дематериализуется, но только на то время, которое он ему задаёт. И затем он возьмет из дематериализованной почки дематериализованный камень и вытащит его через дематериализованную стенку почки. А затем, после того как он вытащит свою руку из брюшной полости, почка снова материализуется, но уже без камня. И таким вот образом они вытащили из меня две пули, и на моём теле не осталось не только швов, но даже царапин.

– Но что это за человек он, что, тоже один из жителей нашей планеты? – спросил я.

– Да, ты прав, – это один из тех людей, которых наблюдатели переселяют на другие планеты. Но перед тем как их отправить на другую планету, этих людей проверяют на предмет заболевания, потому что на той планете, куда их в дальнейшем переселят, им уже никто не поможет.

– Вот таким же образом они либо вживляют, либо удаляют из тела человека имплантаты, не оставляя следов на его теле, – сказал Джек.

– Странно, а почему мы-то не обладаем такими способностями? – спросил я.

Наблюдатели обладают высоким уровнем сознания, но их уровень превосходит наш уровень в несколько десятков раз.

– Потому что они находятся на более высокой ступени развития, чем мы, – сказал Джек.

– А почему такие различия между нами? – спросил я.

Да потому что они уже давно прошли нулевой уровень развития, когда-нибудь и мы займём их место.

– И обладая высоким уровнем сознания, они могут дематериализовать как свое, так и чужое материальное тело, – сказал Джек.

– А на Земле есть такие люди?

Джек надолго задумался.

– Дело в том, что основная масса населения нашей планеты обладает низким и только небольшая часть средним уровнем сознания. И только часть людей готова к переходу на первый уровень сознания. Но эти люди уже обладают вы-

соким уровнем сознания и феноменальными способностями, но, как правило, эти люди живут скромно и обособленно. И по возможности стараются не афишировать нам свои сверх способности.

– А почему? – спросил я.

Потому, что основная масса населения на нашей планете с низким уровнем сознания, вот поэтому она и относится к ним недоброжелательно, боясь их и называя таких людей колдунами и ведьмами. Это сейчас, в наше время, людей перестали преследовать за их сверхъестественные способности. Потому что католическая церковь прекрасно знает, что простые смертные люди не обладают сверхъестественными способностями. И, обманывая доверчивых людей, они наживаются за счёт их доверчивости. Но в средние века таких людей уничтожали физически, сжигая их на кострах. Вот те люди действительно обладали сверхъестественными способностями, за что и пострадали от инквизиции, но такие люди и сейчас живут на Земле.

– И кто же эти люди? – спросил я.

– Такие люди, обладающие сверхъестественными способностями, живут в Индии, но ведут они себя довольно скромно, не выпячивая свои сверх способности, поэтому и живы до сих пор, – сказал Джек.

– Но почему только в Индии? – спросил я.

– Потому что индийцы, – это потомки марсиан, но о том, что они потомки марсиан, они уже не помнят.

– Почему? – спросил я.

Потому что людей тех поколений, которые помнили, чьи-ми потомками они были, уже давно нет. А более поздние поколения помнят о своих способностях только на подсознательном уровне, но у многих из них сверх способности проявляются и в повседневной жизни. Такие люди находятся ближе к первому уровню сознания, так как их сознание начало развиваться еще на Марсе, но они об этом тоже не помнят.

– А сейчас мы перейдём с тобой еще в одну лабораторию, а все остальное оставим на завтра, – сказал Джек.

И пройдя по коридору несколько десятков метров, мы вошли в помещение, напоминающее наш детский сад. Вот только детского крика я там не услышал. Да и в комнатах, разделенных по возрастным группам, находились дети от 5 до 15 лет. Они молча занимались каждый своим делом, не обращая на нас внимания и даже не повернув головы в нашу сторону. И в каждой возрастной группе находилось по две женщины-воспитательницы, которые со стороны наблюдали за детьми. Детских игрушек я там тоже не заметил. Дети сидели не только у компьютеров, но и у всевозможных электронных приборов незнакомых мне.

– Это что дети наблюдателей? – спросил я.

Джек покачал головой.

– А кто эти дети? – спросил удивлённо я.

– Эти необычные для нас дети, – это дети-клоны, они кло-

нированы из генетического материала доставленного сюда наблюдателями с Земли.

– И сейчас их готовят для отправки на Землю, – добавил Джек.

– Но они должны достичь совершеннолетнего возраста? – спросил я.

– Нет, Алексей, – это совсем не обязательно. Когда клон будет готов к работе, его отправят на планету независимо от возраста. И чем меньше его возраст, тем быстрее он вживётся в среду тех людей, куда его отправят. Здесь, дети растут и развиваются в два раза быстрее, чем обычные дети на Земле, потому что частота и мощность магнитного поля здесь в два раза меньше, чем на Земле. Но на Земле их рост со временем нормализуется, то есть станет обычным, таким же, как у землян. Это зависит от частоты и мощности магнитного поля той планеты, куда они будут отправлены. Но на Земле магнитное поле мощнее, чем на станции, а частота поля выше, поэтому в их организме со временем произойдут изменения, не предусмотренные наблюдателями. Вот поэтому наблюдателям придётся периодически корректировать их материальные тела, так как они будут стареть за счёт разницы в частоте и мощности магнитных и гравитационных полей планеты. И поэтому наблюдатели будут подменять состарившихся клонов на более свежих клонов, но внешне они будут заметно отличаться от прежних клонов. А самое главное, второе клонирование из одного и того же материала (крови)

не сможет полностью воспроизвести первоначального клона.

– И как это понять? – спросил я. Ну например: если первый клон изучал иностранный язык и хорошо им владел, то второй клон (копия первого) не будет знать его совсем, если его не обучат языку заранее.

– Но как можно отличить клона от его копии? – спросил я. Кроме небольших различий во внешности, которые смогут увидеть наблюдательные люди, есть ещё одно главное отличие. Вторичная копия клона не сможет подделать рукописную подпись первого клона с точностью до 100%, и только поэтому свою подпись он будет ставить на всех документах машинописным текстом. Но и это ещё не всё. У наблюдателей есть люди-клоны, которые внедрены в земные службы по усыновлению детей, которые занимаются подселением таких детей в бездетные семьи. И такие службы в дальнейшем занимаются их опекой и продвижением по службе.

– А кто эти женщины? – спросил я

– Это тоже клоны, выращенные из генетического материала, но только для воспитательной работы, больше их ничему не учат, – сказал Джек.

– Но для чего детей обучают и забрасывают на нашу планету? – спросил я.

– Попав на планету нашего уровня развития, такие дети в дальнейшем внедряются, не только на оборонные заводы и в конструкторские бюро оборонных заводов, но и в правительства стран, – сказал Джек.

– Для того чтобы узнать секреты наших оборонных заводов? Но это же шпионаж! – сказал я.

Джек улыбнулся.

– Нет, Алексей, как ни странно это прозвучит для тебя, но совсем наоборот, их внедряют в конструкторские бюро и на военные заводы для того, чтобы они внедряли в ваши производства свои технологии, до которых сами вы ещё не скоро дойдёте. Но делается это незаметно для вас. И внедрённые на ваши заводы клоны незаметно для вас отслеживают всё что сделано на основе новых технологий, и даже новейшее вооружение для того чтобы внедрить его в другие страны мира.

– Даже так? – удивился я. – Но для чего нужно распространение оружия по планете? – спросил я.

А делается это для того чтобы не было монополии одной страны на новейшее вооружение.

– Но дело не только в этом, если на нашей планете не будет развиваться не только оборонная промышленность, но и торговля изделиями оборонной промышленности между странами, то вы перестанете развиваться, – сказал Джек.

– А я-то думал, что это наши ученые изобретают новейшее оружие.

И ваши и наши ученые находятся на второстепенных ролях, но они не догадываются об этом. У наблюдателей есть такие лаборатории, куда мне доступ запрещён, они находятся на третьем уровне станции, где я ни разу не был. Может

в дальнейшем, мне разрешат входить и в эти лаборатории. Так вот, я случайно краем уха услышал от клонов, что они привозят с Земли молодых женщин ещё на первой стадии беременности и подсаживают им в плод душу любого ранее погибшего человека, а именно того, кого им нужно посадить. И как я понял, в основном это бывшие учёные или даже бывшие руководители стран, то есть те люди, которые в прошлой жизни обладали не только средним, но и высоким уровнем сознания.

– Но почему это делается втайне даже у них на станции? – спросил я.

– Потому что подсаживать души бывших учёных в тела младенцев, не стирая им память о прошлых жизнях, запрещено вторым уровнем сознания.

– Выходит, что они будут помнить, кем они были до этой жизни, и могут использовать прошлые знания в корыстных целях? – спросил я.

– Да, в этом ты прав, эти люди продолжают свои работы, начатые ещё в той прошлой жизни, или руководят той страной, которой они руководили до этого, но теперь они помнят ещё и прошлое той страны и свои ошибки, совершённые ими в той прошлой жизни.

– И как я понял из разговора клонов, наблюдатели делали это всегда, даже в древние времена, – сказал Джек.

– Но это же невозможно сделать, – сказал я.

– Для наблюдателей нет ничего невозможного. Они берут

таких людей еще с этой стороны нашей реальности, то есть ещё с этой стороны реки времени, и подсаживают их в эмбрион молодым женщинам, которых они на время похищают, а затем вновь возвращают их на планету, предварительно стерев им память.

– Я чуть позже расскажу и даже покажу тебе, что такое река времени, – сказал Джек.

И в этот момент в помещение вошел наблюдатель и, отозвав Джека в сторону, что-то сказал ему, они о чем-то переговорили, и Джек вернулся ко мне.

– Всё, Алексей, нам пора уходить.

– Что-то случилось? – спросил я и вопросительно посмотрел на Джека.

Джек расстроено посмотрел на меня, покачал головой, но промолчал. Мы быстро вышли из помещения лаборатории. Я посмотрел на Джека, его лицо было чем-то озабочено. Я таким расстроенным его ещё не видел.

– Что он сказал тебе такого, что ты так сильно расстроился? – спросил я.

– Я забыл, что у тебя еще стоит имплантат, а с ним не только в эту, но и другие подобные ей лаборатории заходить нельзя. Вся информация, которую ты видел перед собой и слышал, может попасть в чужие руки, то есть в руки учёных планеты Набу, так как они прослушивают имплантаты наблюдателей. Ты смотрел на лица ребят обучающихся в этой лаборатории, а их возможно уже пересняли службы планеты

Набу.

– Я хотел показать тебе больше того, что ты сейчас здесь увидел, но нам придётся многое пропустить, пока из твоей головы не удалят имплантат, – сказал Джек, – а жаль мы упустим время, отведённое тебе наблюдателями.

В этот момент я понял, что Джек сильно переживает о том, что он сказал и показал мне много лишнего. Но главное, он показал мне то, что не нужно было показывать, то есть лица ребят-клонов, пока у меня ещё стоит имплантат. Мы молча спустились на лифте вниз в свой коридор под номером один и отправились в свою комнату. И войдя в свою комнату, мы молча устроились каждый на своей лавке, но сон почему-то не шёл, хотя мы сильно устали, особенно я, от того, что я увидел в лабораториях. Но после затянувшегося молчания, Джек вдруг сказал...

Глава 5

Ты знаешь Алексей, до войны я не верил ни в Бога, ни в черта, у вас такие люди называются безбожниками. Меня этому учили с детства не только мои родители, но и учителя. Они тоже были, как у вас говорят, безбожниками. Мне говорили: чего не должно быть, того быть не может. Я в это верил, и потом, когда я сам стал учителем, я учил этому детей, до тех пор, пока со мной не произошел один удивительный случай. Однажды из моего класса потерялось трое ребят 15-летнего возраста. Они ушли в развалины старого средневекового замка и не вернулись вечером домой. Мы всей школой искали их два дня, но безрезультатно. А на третий день ночью мне приснился сон. Один из потерявшихся мальчиков звал меня в развалины старого замка. Я проснулся в холодном поту, это произошло уже под утро. Я оделся и вышел на улицу, чтобы немного прийти в себя. На улице было уже светло. И вдруг я увидел одного из пропавших мальчиков, и именно того, который мне приснился. Мальчик стоял посреди улицы лицом в мою сторону и носком туфли гонял по дороге камень, увидев меня, он махнул мне рукой, мол, иди за мной, и пошел по улице в сторону замка.

– Он тебе что-нибудь сказал? – спросил я.

– Нет, он только позвал меня за собой жестом руки.

– А я даже обрадовался. «Ну, наконец-то ребята сами на-

шлись», – подумал облегчённо я. И тут же позабыв про жуткий сон, догнал мальчика и пошел с ним рядом. – Я хотел спросить у него, где остальные ребята. И поравнявшись с ним, я взгляделся в его лицо и увидел на нём кровь, она стекала с головы на правую щеку. Я подумал, что он где-то нечаянно ударился о, что-то головой. И я притронулся к его лицу рукой, но моя рука прошла через его голову как через дым.

Я растерялся, меня охватил жуткий страх, он холодным потом пробежал по моей спине.

– Это был призрак? – спросил я.

Ты понимаешь, он выглядел совершенно обычным человеком, таким, как все мы, и был в той же одежде, в какой ходил в школу. Но только одно «но», он был нематериальный. Это я сейчас так понимаю, а тогда от страха я не мог в это поверить, потому что такого не должно быть в принципе. Я еще раз приблизился к мальчику и взял его за руку, я подумал, что хоть куртка-то на нем должна быть материальной. Но моя рука также легко прошла через его руку. Я был в шоке. Ведь я сам учил ребят тому, что человек проживает только одну материальную жизнь, и никакой реинкарнации не существует, и что это просто обман церковнослужителей. А парень, я уже не помню, как его звали, повернулся ко мне лицом и улыбнулся мне, мол, не бойся, иди за мной. «Неужели у меня галлюцинации», – подумал я. Мы уже подошли к развалинам замка, когда из развалин прямо на нас выскочила стая бродячих собак. И одна из собак кинулась

на парня и попыталась укусить его за ногу. Но проскочив через его тело и поджав от страха хвост, с визгом кинулась бежать прочь. И остальные собаки, тоже часто оглядываясь назад, с лаем бросились за ней. Вот тут-то я окончательно убедился, что это уже не галлюцинация.

А парень повел меня по развалинам замка, по одному ему известной дороге, по битым кирпичам и кучам мусора. Он шёл быстро и ни разу не оглянулся на меня, часто наступая ногами на обломки кирпичей, которые торчали в разные стороны. Но они даже ни разу не шевельнулись под его ногами, и он, ни разу о них не споткнулся. Зато под моими ногами стоял грохот, и я, часто спотыкаясь о кирпичи, несколько раз чуть не упал на кучу кирпичей. И парень пару раз по старой привычке пытался подхватить меня при падении под руку, но я проходил через его руку как через дым, и он, поняв, что это бессмысленно, махнул на меня рукой и пошёл вперёд. Мы зашли с ним в самую глубину развалин, в самую дальнюю и самую большую комнату. И тут парень вдруг остановился и показал мне рукой вперед, а сам остался стоять на месте.

Я прошел несколько метров вперед и увидел перед собой в полу комнаты круглое отверстие метра два в диаметре. Это был средневековый колодец, стенки которого были выложены кирпичом. И кто-то из родителей уже в наше время прикрыл его досками, для того чтобы в него не упали дети, играющие в развалинах замка, особенно по вечерам, когда

в развалинах было уже темно и кто-то из детей мог нечаянно упасть в колодец. Но находясь под открытым небом, от сырости, доски сильно прогнили и провалились в колодец. Я лёг на живот и подполз к самому краю ямы. Колодец был глубокий, метров 20, не меньше. Я пригляделся, благо, что солнце уже вошло и светило над колодцем. И в этот момент я увидел, что на дне колодца лежали два мальчика, но они не шевелились. Я крикнул: «Ребята, вы живы? Отзовитесь!». Один из мальчиков приподнял правую руку и вновь бессильно опустил ее.

А тот мальчик, который привел меня в развалины замка, показал рукой на наш городок, и я понял по выражению его лица и по жестике руки, что мне нужно бежать за помощью. Я привел в замок людей с верёвками и носилками, и мы спустились в колодец. Колодец у самого дна оказался широким, и от него во все стороны уходило несколько тоннелей, выложенных кирпичом. Но я ошибся, на дне колодца лежало не два, а три мальчика. Третьим мальчиком был тот мальчик, который привёл меня к колодцу, но он лежал поперек тех двоих мальчиков. А два мальчика, лежавшие на нём, получили много ушибов и даже переломы, но чудом остались живы, хотя поверить в такое чудо было трудно. Они рассказали нам, что мальчик, который погиб первым, провалился в колодец, наступив на прогнившие доски. И, пролетев несколько метров вниз, он зацепился курткой за крюк, торчавший из стены колодца. Ребята попытались вытащить его из колод-

да сами, без посторонней помощи, так как было уже поздно, но доски не выдержали троих, потому что они оказались насквозь гнилыми, и, ребята провалились вместе с ними в колодец. Двоих ребят спас третий мальчик, он упал на дно колодца первым на острые обломки кирпичей, а остальные ребята упали на него. С тех пор я изменил свое мнение о призраках, пока сам не убедился в их существовании.

– А куда делся мальчик потом, когда ты вернулся с помощью? – спросил я.

– А мальчик, увидев нас, идущих к замку, зашел за колонну и наблюдал за нами из-за колонны, пока мы вытаскивали ребят и его тело из колодца. А когда ребят унесли, я зашел за колонну, мальчик стоял там же, за колонной. Он показал мне знаками и мимикой, что не нужно говорить о нем никому, даже его родителям. Я спросил его: «А куда ты теперь пойдешь?» Он показал на двух монахов, стоявших недалеко от нас, таких же, как он, призраков. А затем показал пальцем вверх, в небо.

И немного постояв, о чём-то думая, мальчик махнул мне рукой, мол, иди домой. Я отошел от него метров на 10, и в этот момент на меня напала такая жуткая тоска, что я чуть не закричал от беспомощности. И только сейчас после всего пережитого мне стало жаль парня, я повернулся назад, но мальчик и двое монахов стояли уже вместе втроем и смотрели мне вслед. Монахи смотрели на меня с равнодушными лицами, а мальчик с выражением тоски на лице. Маль-

чик поднял правую руку, согнутую в локте, и попрощался со мной, поводя рукой из стороны в сторону. И вдруг с колонны, находящейся справа от меня, взлетели голуби, обдав меня пылью.

– Я обернулся на них и увидел, что один из голубей, тот, что был поменьше, был белый, а два голубя, те, что были больше размером, были чёрными, а когда я повернул голову назад, то ни мальчика, ни двух монахов на том месте уже не было, – закончил Джек.

– Но кто они, эти монахи? – спросил я. – Они что, тоже призраки?

– Да, чёрные монахи тоже призраки. С древних времен в наших краях ходила легенда о развалинах, что якобы там особое место и на территории этих развалин находится дверь в потусторонний мир. В наше время взрослые не верили в это, но ходить туда по одному побаивались, особенно ночью, когда им приходилось искать там своих детей, которые заигрывались там до полуночи. Но только до полуночи, после 12 часов ночи там уже никого не было. Потому что ещё с древних времён в нашем городке ходила легенда, что если задержатся в развалинах за полночь, то можно потеряться в них навсегда, и дети боялись там оставаться за полночь. Но дети всех возрастов заигрывались в развалинах до полуночи и говорили родителям, что часто видели в развалинах замка двух монахов в старинных чёрных одеждах, которые издали, наблюдали за детьми. Но когда дети, набравшись

храбрости, пытались подойти к ним толпой и спросить у них, кто они такие, монахи мгновенно на их глазах исчезали.

– И только здесь, на станции, я окончательно убедился, что у человека есть душа и что собой представляет призрак, – сказал Джек.

– А ты сам-то раньше видел этих монахов? – спросил я.

– Да нет, конечно. Да я и не верил в это, хотя в детстве я часто ходил в старую крепость и тоже, как все дети, заигрывался там до полуночи.

– Да и появлялись в развалинах чёрные монахи не так часто, только тогда, когда в нашем городке кто-нибудь умирал естественной смертью или погибал при несчастном случае, – сказал Джек.

– Наверное, они приходили за душами погибших, – сказал я.

– Да, вполне возможно, что так оно и было, – сказал задумчиво Джек. Но когда я попал сюда, то есть на станцию, и немного обжился здесь, наблюдатели привели в комнату, в которой стояло много радиоаппаратуры, абсолютно незнакомой мне, на Земле я такой нигде не видел. Да и ты тоже такой не видел. Она у вас появится, но ещё не скоро. Эта комната заменяла им склад, но они вынесли часть аппаратуры в другое место, а оставшуюся аппаратуру привели в порядок.

– Они объяснили мне, что это простейшая радиоаппаратура, которая доступна, таким как я, во всяком случае, на ней легко обучиться, – сказал Джек.

– «А что, у вас здесь были такие, как я?» – спросил я. – «Да, – ответил один из них. – Мы привозили людей с Земли и обучали их наукам, насколько это было возможно при их уровне интеллекта». И он рассказал мне, что эта аппаратура была сделана еще 5 тыс. лет назад по реальному земному времени. Наблюдатели привозили иногда на станцию людей разной национальности, живших тогда на планете, и обучали их на этой аппаратуре наукам. Как и с помощью чего можно возделывать поля, варить металл, лечить людей травами, ведь экспериментальным путем невозможно узнать, какая трава от каких болезней лечит, для этого придется провести миллионы экспериментов на сотнях тысяч людей, потратив на это не одно столетие. А ещё наблюдатели показывали древним людям, как устроено материальное тело человека, и как его можно лечить хирургическим путем. А главное, они рассказали им, что такое душа человека и где она находится у человека. А ещё я спросил у наблюдателя: а что на станции был и иудейский патриарх Енох прадед Ноя?

– Я читал о нём в библии, – добавил я.

– Да, Джек в этом ты прав, когда Еноху исполнилось 12 лет, клоны занимающиеся обучением людей, забрали его на станцию и обучили его тем наукам, которые в то время он мог уже усвоить, – ответил наблюдатель.

Джек надолго замолчал. А затем продолжил:

– И завтра я покажу тебе, где у человека находится душа, – сказал Джек.

Глава 6

Мы оба снова надолго замолчали, и я даже не заметил, как уснул. А на следующее утро, позавтракав, мы направились по коридору в комнату, о которой говорил Джек. И в той комнате на стене висел большой плоский экран. Я огляделся и увидел, что по периметру комнаты стояло много радиоаппаратуры не знакомой мне, а перед экраном стояло два кресла, и Джек предложил мне сесть в одно из кресел.

– Это наглядное пособие наблюдатели сделали для меня еще в 45-м году, оно уже устарело, но еще работает, а без него я вообще бы ничего не понял.

– Смотри внимательно на экран, а я буду комментировать, – сказал Джек.

И он стал нажимать на клавиатурные кнопки, на переносной панели, находящейся под экраном. И вдруг в центре экрана появилась светящаяся точка, которая вспыхивала, как проблесковый маячок самолёта, но в это же время с другого конца экрана к ней направилась еще одна яркая точка, вот только вторая точка была уже с хвостиком.

– Первая светящаяся точка – это яйцеклетка, а вторая – сперматозоид человека и сейчас они сольются в одну клетку, но после того как они сольются, уже единая клетка своим хвостиком прицепится к плаценте, через которую она будет получать питание от матери, то есть уже от другого матери-

ального тела, – сказал Джек.

И вдруг я увидел, как рядом со слившейся клеткой вспыхнул яркий шарик, величиной с грецкий орех и в этот же момент от него отделилась, светящаяся голубым цветом нить, на конце которой появился яркий шарик величиной с горошину. Он как бы надулся через эту ярко светящуюся нить, а затем приблизился к яйцеклетке и втянул ее в себя.

– Большой шарик, – это подсознание, или, по-нашему, «душа». – Но до этого времени она находилась в другой реальности, или, по-нашему, на том свете, – сказал Джек. – А маленький шарик, – продолжил он, – это зачаток сознания, выделенный через тонкую энергетическую нить из подсознания. Но подсознание и сознание по объему информации и массе высокочастотной энергии у каждого человека разные, – это зависит от количества и качества прожитых материальных жизней. И в начальной стадии развития плода сознание строит только энергетический скелет человека, вот поэтому ребёнок помнит себя только с 2—3 лет.

– Это напоминает мне жемчужную раковину, – сказал я. – Чем больше воды она через себя пропустит, тем крупнее вырастет жемчужина, а для затравки в раковину помещается песчинка.

– Да, в этом ты прав, – это будет выглядеть приблизительно так, но только вместо воды пропускается энергетическая информация, полученная от органов чувств за время нахождения сознания в материальном теле человека.

– А зачатком сознания является вот эта горошина энергии, выделенная для этой цели из подсознания, – сказал Джек. – Но наше сознание работает по принципу работы жёсткого компьютерного диска, или карты памяти и чем старше мы становимся, тем меньше места в нём остаётся для информации, то есть для памяти. В этом случае сознание загружается по времени дольше обычного, и в нём часто происходят сбои.

Но у нашей памяти есть одно преимущество перед компьютером, она может помнить своё прошлое, а вот настоящее быстро забывается, потому что в сознании, как на диске компьютера, уже нет места для неё, поэтому эта информация переходит в подсознание. Но когда сознание полностью заполняется разно частотной информацией, полученной из внешнего мира, тогда человек умирает естественной смертью для следующего перерождения и снова начинает жизнь с чистого листа, т.е. с чистого сознания. Но в ближайшем будущем наблюдатели помогут вам создать компьютер, то есть вы создадите его сами, но с их помощью и по их технологиям, даже не догадываясь об этом, для того чтобы вы на примере компьютера поняли принцип работы вашего сознания и подсознания. И в дальнейшей жизни смогли сами создавать искусственный интеллект. Но я сам узнал об этом от наблюдателей в этой комнате только в 1945 году.

– Но наши учёные единодушно утверждают, что процессом мышления занимаются клетки головного мозга, – ска-

зал я.

– Когда ваши учёные выдвинули такую необоснованную гипотезу, в то время компьютеров ещё не было, поэтому они не знали, что процессом мышления занимается полевая форма материи сознания, – ответил Джек.

И вдруг клетка вспыхнула ярче, а затем на экране постепенно начал вырисовываться контур человечка, а затем проявились светящиеся руки, ноги и даже голова.

– Сейчас я перенесу его в правый угол экрана и увеличу, – сказал Джек.

И в этот момент в правом углу экрана появился увеличенный контур человеческого тела. Но в том месте, где у него должна была находиться голова, засветилась яркая точка величиной с грецкий орех. А от этой точки отходили три ярко светящихся ствола, два из которых проходили вдоль позвоночника до конца туловища. А третий, самый толстый ствол, проходил внутри позвоночника. Но и на конце туловища в районе таза образовался энергетический узел, от которого расходились еще два энергетических ствола по ногам до кончиков пальцев ног. А в районе грудины и пупка также образовались ярко светящиеся энергетические узлы, которые пульсировали серебристо-голубым светом. А от энергетических узлов ко всем органам тела расходились энергетические стволы, которые в конце стволов делились на мельчайшие ответвления. А ответвления в свою очередь представляли собой светящийся энергетический туман, который

формировал новые клетки, причем у каждого органа они были разные по размеру и строению.

– Так вот, – продолжил Джек, – это уже эмбрион человека, который создается сознанием на энергетическом скелете человека, постепенно обрастая новыми клетками. Но к каждой клетке подходит тончайшая энергетическая нить, и каждая энергетическая нить управляет только своей клеткой. Сама эмбриональная клетка обладает только таким уровнем сознания, которого ей будет достаточно для умышленного воссоединения яйцеклетки со сперматозоидом. А вот делением клеток и формированием органов материального тела человека через тончайшие энергетические нити занимается сознание. Но делясь пополам и отделяясь от материнской клетки, новая половина клетки забирает у нее половину хромосом и энергетическую нить, а старая клетка в этот момент отмирает.

И делиться материальная клетка будет до тех пор, пока не получит от подсознания команду на самоуничтожение клетки. А светящийся шарик, расположенный в районе головы эмбриона, это сознание, но все остальное, то есть то, что светится, это уже энергетический скелет эмбриона. И сознание строит плод человека по образу энергетического скелета, данного ему Богом. А основная часть полевой формы сознания находится в подсознании, и контролирует работу части сознания, которая занимается построением энергетического скелета эмбриона. Но с рождения и до 3—4 лет жиз-

ни, функции сознания выполняет только та часть сознания, которая выделилась из подсознания первоначально. А затем уже с 3—4 лет включаются обе половины сознания, объединяясь в одно целое. И только с 4—5 лет ребенок постепенно начинает осознавать свои действия и поступки. В это время он начинает самообучаться и становиться, не в меру любопытен. Но когда вторая часть сознания покидает подсознание, она обрывает тонкую нить, забывая при этом свои прошлые жизни, потому что с помощью светящейся нити она обрывает связь с подсознанием, через которую поступала информация из прошлой жизни.

– Вот поэтому с 3—4 лет дети перестают общаться с потусторонним миром, – сказал Джек.

– Странно, а нас приучали к тому, что процессом мышления занимаются клетки головного мозга, – сказал я.

– Нет, это уже грубейшая ошибка, так как клетки головного мозга не только человека, но и животных не могут думать самостоятельно, процесс мышления происходит на уровне полевой формы сознания. Это похоже на принцип работы компьютера, процессом мышления в котором занимается полевая форма сознания, которую вместо клеток создают микрочипы. Но это будет уже искусственное сознание, и ты пока ещё не знаешь, что это такое, хотя хорошо разбираешься в радиотехнике.

Но в будущем вас познакомят и с компьютером, для того чтобы дать вам понять, что процессом мышления занима-

ются не клетки головного мозга, а полевая форма сознания. Но клетки головного мозга это особые клетки, которые соединены между собой последовательно и даже в нескольких направлениях. А информацию они получают в тонах и полутонах частотного спектра от органов чувств, в том числе и от органов зрения и слуха. А затем клетки головного мозга последовательно и многократно преобразуют полученную от органов чувств информацию до полевой сверхвысококачественной формы материи сознания.

И такая необычная форма материи в виде информации, преобразованной в сверхвысококачественную полевую форму, поступает в сознание.

Но поступая в сознание, она одновременно является материей и энергией, так как она состоит из мельчайших материальных частиц, которые являются материей. А невостребованная в ближайшее время сознанием информация в виде сверхвысококачественной полевой формы через определенное время поступает в подсознание как в хранилище, где и хранится до востребования уже в виде долгосрочной памяти. Но с приобретением жизненного опыта сознание увеличивается в объеме и массе за счет количества и качества вновь поступающей разно частотной информации от органов чувств. Вот поэтому на протяжении всей материальной жизни человека, сознание контролируется подсознанием.

– А клетки головного мозга на протяжении всей жизни выполняют не только прямую, но и обратную связь, – сказал

Джек.

– А что это значит – обратная связь и как её можно понять? – спросил я.

– Обратная связь сознания включается для того, чтобы на протяжении всей жизни сознание управляло всеми органами тела человека через клетки головного мозга. Но уже в обратном направлении, т.е. от сознания к органам тела человека. А клетки головного мозга в это время преобразуют сверхвысокочастотную полевую форму материи сознания в среднечастотную и даже в низкочастотную форму, которая по тончайшим нитям подается на органы материального тела человека и управляет ими, вы называете такие тончайшие нити нервами.

– Но в случае обрыва нерва, состоящего из связанных между собой клеток, частично или даже полностью, нарушается связь с материальными органами человеческого тела, и в этом случае какой-то из органов перестаёт работать, – сказал Джек.

– А как объяснить то, что иногда дети рождаются либо без рук, либо без ног? – спросил я.

– Да в этом ты прав, такое иногда с ними случается, но происходит это только тогда, когда при построении энергетического скелета эмбриона сознанием нарушается обратная связь, то есть происходит обрыв в клеточной цепочке мозга.

– А почему так происходит? – спросил я.

А происходит так только потому, что ещё во время беременности женщина принимала либо алкоголь, либо наркотики, которые и повлияли на разрыв в цепочке клеток головного мозга. И энергетические стволы либо ног, либо рук обрываются на полпути к органам движения. Вот поэтому у эмбриона не могут сформироваться органы движения. Но иногда такое происходит ещё и потому, что в прошлой жизни человек лишился либо рук, либо ног, а энергетическая память прошлой жизни не забыла такой стресс и сохранилась в подсознании даже в новой жизни.

– Такие неполноценные люди часто рождаются после войны, когда человек погибает на войне от оторванных рук или ног, а его душа, при реинкарнации попадая в эмбрион младенца, помнит об этом и строит энергетический скелет младенца либо без рук, либо без ног, – сказал Джек.

– Да я помню, что в послевоенные годы рождалось много детей без одной или даже двух верхних или нижних конечностей, – сказал я.

– Но что происходит с человеком, когда его материальное тело заканчивает свой жизненный путь? – спросил я.

– Когда клетки материального тела человека заканчивают свое деление и когда делиться уже нечему, у вас, у русских, есть такое выражение – «когда душа начинает сворачиваться», так вот оно небезосновательно. В этом случае оно как раз к месту. В это время энергия сознания в виде тончайших паутинок постепенно покидает второстепенные клетки, по-

тому что такие клетки первыми закончили свою программу, находясь большую часть своей жизни под солнечными лучами. Но такие клетки начинают отмирать не одновременно, а постепенно, то есть сначала из пяти клеток отмирает одна, а затем из четырех клеток отмирают две клетки. Вот поэтому материальное тело человека, но в первую очередь лицо, потому что оно больше всего подвержено солнечной радиации, начинает стареть и дряхлеть и со временем покрываться глубокими старческими морщинами.

– А почему так происходит? – спросил я.

– Потому что второстепенные клетки в первую очередь покидают не только лицо, но и даже шею, но сознание, наоборот, начинает пополняться высвободившейся энергией, – сказал Джек.

– То есть в это время человек становится умнее? – спросил я.

– Нет, – это не так, скорее всего, он становится рассудительнее, чем был до этого, – немного подумав, ответил Джек.

Мы оба устали.

– Давай прервёмся пока на этом, – сказал Джек. – И нам нужно пообедать, – добавил он.

И мы отправились в столовую. А в это время в столовой за столиком сидело два наблюдателя и они как близнецы были похожи друг на друга. Я тихо спросил у Джека:

– Они что, близнецы?

– Нет, – сказал Джек, – один из них клон.

– Что значит клон, они что, не родные братья? – спросил я.

– Это сложно тебе понять, потому что на Земле такого пока еще нет. Но я попробую тебе это объяснить.

– Это копия первого наблюдателя, но уже на генетическом уровне, то есть из клетки наблюдателя искусственно воспроизвели его двойника, – сказал Джек.

– Но ведь он должен обладать душой, – сказал я.

Да, в этом ты прав, а он и обладает сознанием, но только искусственным, вы пока не знаете, что это такое, но в дальнейшем придёте к нему, но такое произойдёт с вами уже в другой жизни. Для наблюдателей это не проблема. Но без души клон будет просто зомби, он быстро постареет и погибнет, потому что у него сразу же включится механизм самоуничтожения.

– А в будущем ваши учёные попытаются клонировать животных, но у них ничего не получится, потому что без сознания, даже искусственного, животные будут быстро стареть и умирать, – сказал Джек.

– А как тогда на Земле живут близнецы? – спросил я.

– Но это совсем другое дело, – сказал Джек, – в этом случае одна душа занимает два материальных тела. А если ещё точнее, то в этом случае одна душа делится на два энергетических скелета и на каждом скелете выращивается свое материальное тело.

– И как это понять? – спросил я.

– Сейчас я покажу тебе наглядно, как такое происходит, –

сказал, вставая, Джек.

И мы, пройдя по длинному коридору, снова вернулись в комнату с экраном. Сев в своё кресло, Джек, пощелкав кнопками пульта, снова включил большой экран. А по центру экрана появилась мерцающая точка и с разных концов экрана к ней устремились сразу две светящиеся точки с хвостиками. И приблизившись к клетке с двух сторон, они слились с клеткой, а затем разделили ее пополам. И вдруг рядом с разделённой пополам клеткой вспыхнул ярко светящийся шар величиной с бильярдный шар. И от пульсирующего голубым цветом шара к обоим клеткам протянулись две светящиеся нити, на концах которых образовались две светящиеся горошины, которые втянули в себя по светящейся клетке.

– Но в этом случае душа будет вынуждена строить сразу два материальных тела и уже по двум энергетическим скелетам, – сказал Джек. А вот сознание у каждого из материальных тел будет свое, но подсознание, или, по-нашему, душа, будет одна на двоих. И она будет вынуждена одновременно находиться в разных телах и даже в разных местах, если эти тела будут удалены друг от друга на большие расстояния.

– Но не каждая душа сможет содержать два, а то и три материальных тела, на это способна только душа с высоким уровнем сознания, – сказал Джек.

– А разве такое возможно? – спросил я.

– Да, как ни странно это звучит, но такое возможно, потому что душа обладает несколькими астральными телами,

которые способны отделяться от главного энергетического тела, то есть от самой души, и находиться далеко от неё.

– И чем выше уровень сознания души, тем больше она имеет астральных тел, – сказал Джек.

– Выходит, что одна душа будет разрываться на два материальных тела, – сказал я. – Это что закономерность? – спросил я.

– Нет, такое происходит только тогда, когда одна яйцеклетка сливается с двумя сперматозоидами, которые в этом случае делят ее пополам.

– Но такое происходит с ними не случайно и только тогда, когда между двумя сперматозоидами находится одна меченая яйцеклетка, а в это же время между ними находится только одна душа с высоким уровнем сознания, – сказал Джек.

– А что значит меченая? – спросил я.

– Это значит, что в эту клетку уже заложены две программы построения двух материальных тел.

– Странно, тогда выходит, что ещё не каждая яйцеклетка может быть оплодотворённой? – спросил я.

– Да, оплодотворённой может быть только та клетка, в которую заложена программа построения материального тела.

– Но у клонов своя искусственная душа, и живут они на станции постоянно, а наблюдатели меняются, – ответил Джек.

– То есть наблюдатели живут на станции вахтовым мето-

дом, если можно так выразиться, – сказал я.

– Да, это так. Идем, я свожу тебя в рай, и ты увидишь, для чего наблюдатели набирали воду из залива, – сказал Джек.

Мы сели в вагончик, похожий на нашу электрокару, и он бесшумно поехал по длинному коридору. И через 20 минут, если считать по земному времени, мы въехали в огромное помещение, в центре которого находилось озеро, которое было более пяти километров в диаметре. А вокруг озера рос натуральный тропический лес, на все голоса пели птицы, а в озере плескалась самая обыкновенная вода. А на воде плавали лебеди и еще какие-то красивые птицы, каких я до этого не видел. Я подошел по песчаному пляжу к воде и присел на корточки и в этот момент я увидел, что у самого берега плавали золотые рыбки.

– Как в аквариуме, да какие они разные, – сказал я.

– А для чего они их разводят, для экспериментов? – спросил я.

– Нет, ты ошибся, – это для души. Наблюдатели такие же люди, как и мы, только гораздо умнее нас и тоже не лишены чувства прекрасного, – сказал Джек.

– Прямо как в раю, – сказал я, – вдохнув ароматный воздух, исходивший от цветов, каких мне не приходилось видеть на Земле.

– Да, ты это точно заметил, наблюдатели называют это озеро раем, – сказал Джек. А те люди, которые побывали здесь ещё до меня, рассказывали на Земле, что они побывали

в раю и хотели бы вернуться назад в рай после своей смерти.

– А где они берут воду и грунт? – спросил я.

– Привозят с Земли и других планет нашего уровня развития.

Точно, а я и забыл, что когда меня забирали с Земли в залив, я увидел, как из днища диска выдвинулась телескопическая труба, и, быстро растопив лед, опустилась в воду. Выходит, что в это время они набирали воду на станцию?

– Но для чего на станции нужно так много воды? – спросил я.

Тропические растения, растущие на всех уровнях станции, выделяют большое количество кислорода, поэтому они обогащают атмосферу станции кислородом, а вода озёр увлажняет атмосферу станции. Но на станции 5 уровней, и на каждом уровне свой рай. И на пяти уровнях находится 280 человек, не считая клонов, которых столько же и в каждом секторе идет своя работа. Но за время нахождения на станции, я побывал только в половине секторов, а в остальные сектора вход мне пока запрещён. Наблюдатели сказали, что мне ещё рано увидеть в тех секторах то, что я могу там увидеть.

– Магнитное поле здесь искусственное и оно в два раза слабее, чем на Земле, поэтому мне долго пришлось привыкать к нему, – сказал Джек.

– А почему именно в два раза? – спросил я.

– Да потому что на планете, с которой прилетели наблю-

датели, такая же частота и мощность магнитного поля планеты, – сказал Джек.

Мы поднялись на пассажирском лифте в кабину управления, она была огромная, кругом светились лампочки и экраны. А за огромным пультом управления сидело два десятка человек. И перед пультом управления корабля во всю стену кабины находилось огромное прозрачное стекло, через которое просматривалось звездное небо.

– Видишь вон ту жёлтую звезду? – спросил Джек, – показав на большой экран. – Это наше Солнце, а вокруг него светящиеся точки – это наши планеты.

И Джек позвал меня к другому плоскому экрану, расположенному с правой стороны от пульта управления.

– Я иногда поднимаюсь сюда и смотрю на нашу планету, – сказал Джек.

И он нажал на одну из клавиш, расположенных на панели под экраном. Экран вспыхнул, и на экране появилась наша Солнечная система. Но нажав на другую клавишу, Джек увеличил изображение Солнечной системы в несколько раз.

– Сейчас мы видим ее в режиме реального времени, – сказал Джек. – И в этот момент я увидел, что вокруг Солнца в плоскости экватора звезды медленно, но с разной скоростью относительно друг друга обращались 11 дисков орбит, по которым синхронно с ними обращались планеты солнечной системы. А диск орбиты каждой из планет был похож на кольцо Сатурна, но только ширина и диаметр дис-

ков орбит были у каждой планеты разные. Но по третьему от звезды диску орбиты звезды обращались сразу две планеты, и одна из них, та, что была поменьше в диаметре, обращалась ближе к внутреннему краю диска орбиты. А та планета, вокруг которой обращалось три спутника, была в два раза больше первой планеты, но она обращалась ближе к наружному краю диска орбиты звезды.

– Но та из планет, которая в два раза больше в диаметре, – это планета Набу, двойник нашей планеты, таким именем её называли пифагорейцы ещё в VII веке до нашей эры, – сказал Джек. – И сейчас планеты располагаются на диске орбиты звезды так, что мы их хорошо видим обе, потому что одна из них только выходит из-за Солнца, а другая уже заходит за него. Так как планеты разнесены на диске орбиты звезды относительно друг друга на 180 градусов, то есть одна относительно другой всегда находится за Солнцем. Но сейчас мы видим их на плоскости экватора звезды со стороны пояса астероидов, вот поэтому мы видим их сразу обе, пока они ещё обе находятся с этой стороны Солнца, то есть в данный момент мы наблюдаем их с боку.

– Но почему наши учёные с помощью спутников не могут увидеть её со стороны других планет? – спросил я. Потому что на этой планете живёт высокоразвитая цивилизация, которая с помощью гравитационного поля поглощает не только радиолокационные излучения, направленные на планету со спутников и космических телескопов. Но также не выпус-

кает отражённые от планеты фотоны света

– Странно, выходит, что на нашем диске орбиты звезды находятся сразу две планеты.

– Но я об этом раньше не знал, – сказал я.

– Я тоже, до того, пока не попал на станцию, не знал об этой планете ничего, – сказал Джек. – Но об этом знали древние цивилизации, жившие на планете ещё до нас. А иногда они видели их даже вместе, то есть с одной стороны звезды в одно и то же время, но у разных краёв диска орбиты звезды. И видели они их вместе до тех пор, пока нашу планету 15 тысяч лет назад не уравнили Луной, но об этом я расскажу тебе чуть позже.

И в этот момент я обратил внимание на то, что по 11-му диску орбиты звезды, самому ближайшему к станции диску, обращалось огромное количество камней: от мелких камней обломочного характера до огромных астероидов. И все камни и даже огромные астероиды были обломочного характера, но обращались они каждый по своему спиралевидному витку, замкнутому на себя.

– Вот поэтому эти камни никогда не выходят за пределы своего витка, потому что они синхронно с витком обращаются вокруг звезды или планеты, не заступая в чужой виток, пока что-то не взбаламутит замкнутый строй этих камней, – опередил мой вопрос Джек.

– Например? – спросил удивлённо я.

Например: 13 тыс. лет назад нейтронная звезда Тэйя,

в прошлом двойник нашей звезды, а сейчас она является её спутником. Но такое необычное для нас имя ей дали пифагорейцы ещё в VII веке до нашей эры. Или другое её название Черный Принц, но таким именем её называли древние цивилизации, жившие ещё задолго до пифагорейцев. Так вот продолжил Джек: нейтронная звезда Тэйя, сближаясь по своей орбите на минимальное расстояние с нашей звездой, – а их периодическое сближение происходило через каждые 26 тысяч лет, – в этот момент взбаламутила пояс астероидов, вытолкнув из него множество комет и астероидов. И даже один из планетоидов, который до сих пор блуждает между восьмым и девятым дисками орбит звезды. Когда-то наша звезда была двойной звездой, но после того, как вторая красная звезда при минимальном сближении с нашим Солнцем, которое происходит через 26 тысяч лет, оставила свои планеты на свободных дисках орбит нашей звезды. И поэтому в это же время в нашей Солнечной системе произошло перестроение планет. И планета Юпитер, находящаяся на последнем диске орбиты звезды Тэйи, обладая мощным гравитационным полем, подвинула планету Фаэтон с его диска орбиты на диск орбиты Марса, заняв на нём его место.

– А Фаэтон в свою очередь подвинул Марс с его диска орбиты, и Марс занял диск орбиты планеты Набу, а та в свою очередь переместилась на диск орбиты Земли, которая в это время находилась за Солнцем, – сказал Джек. Но такое перестроение планет произошло с ними не в один день, а в те-

чение нескольких тысячелетий и только тогда, когда планеты сближались на плоскости дисков орбит звезды на минимальное расстояние друг с другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.